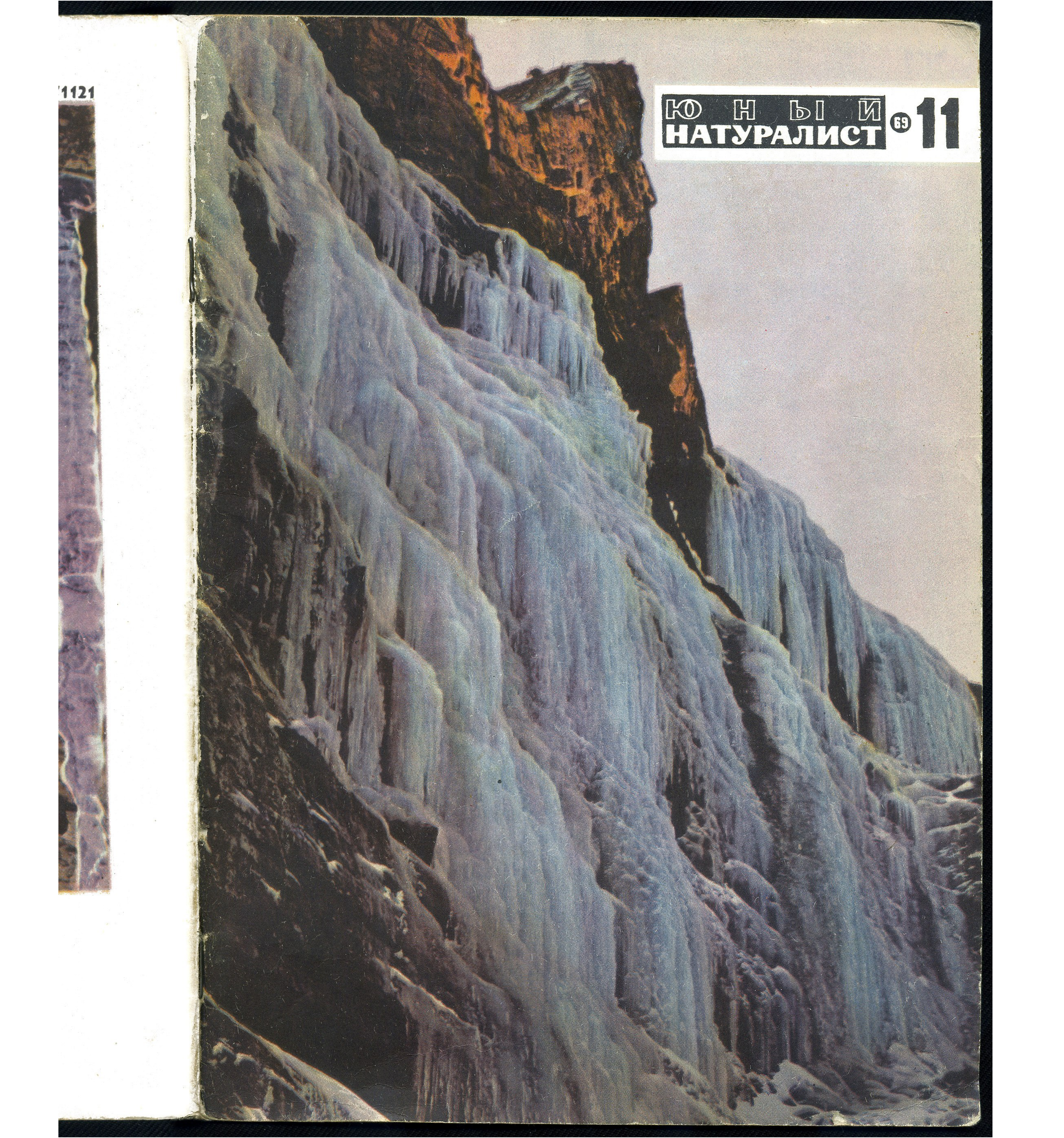
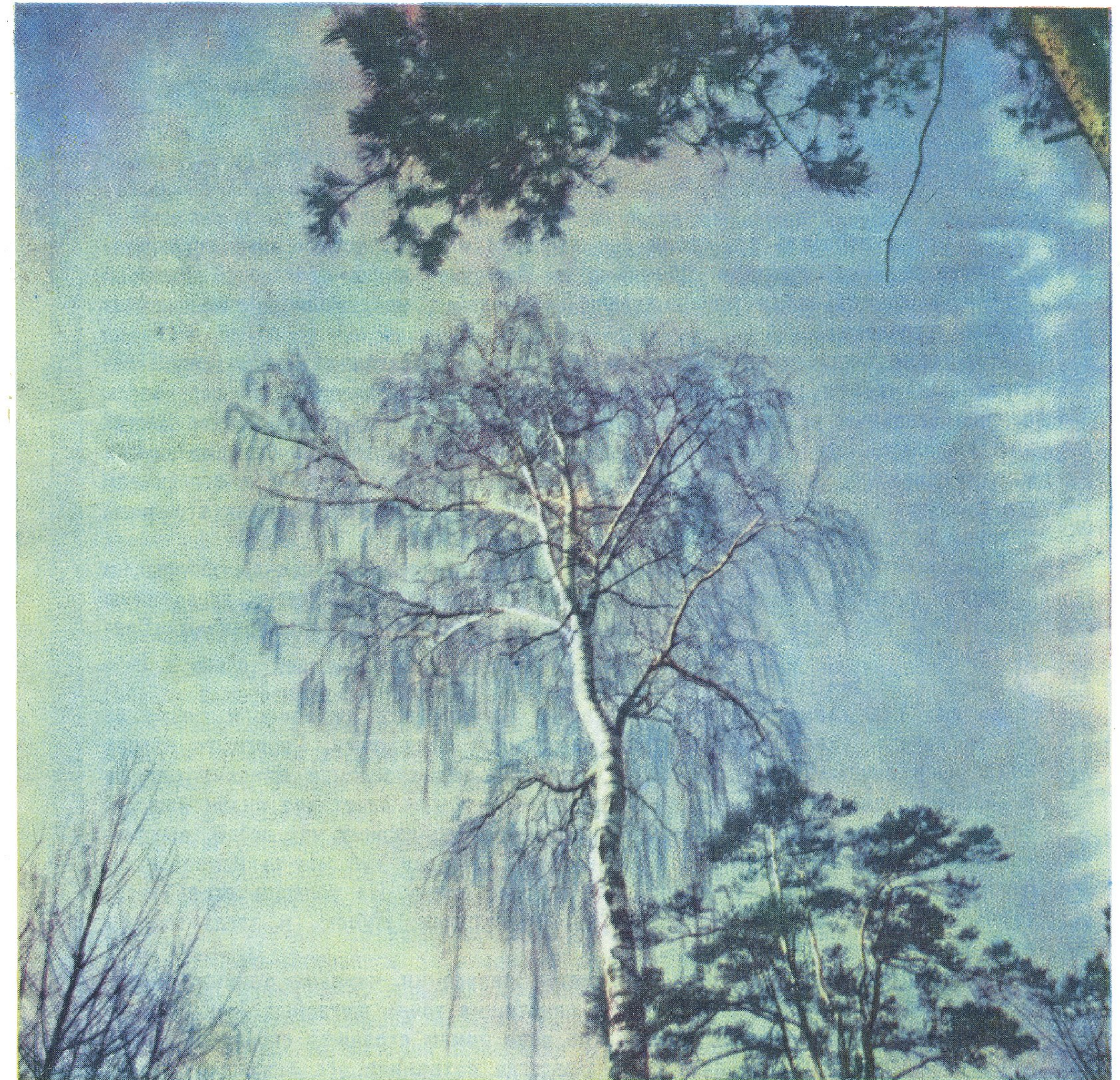

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ
69
11

БЕССМЕРТИЕ

Есть в календаре нашем особая страница, за которой осенью начинается новый год. Так бывает седьмого ноября. Вот и сейчас страна вступила в свой пятьдесят третий год, и год этот знаменательный, юбилейный — он несет советскому народу большой, волнующий праздник: столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Сто лет! В масштабе времени небольшой отрезок. Но сколько вобрал он в себя! Героического и великого. Знаменательного и незабвенного.

От поколения к поколению передавали деды и отцы наши эстафету ленинских идей. И главным смыслом ее были горение и борьба. Неуловимые курьеры ленинской «Искры», стойкие большевики — революционеры, героические рабочие Красной Пресни — они поднимали ленинское знамя, знамя грядущих

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 69 11
Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

побед, чтобы передать его своим сыновьям. И шли на штурм Зимнего отряды красногвардейцев, громили Деникина и Врангеля дивизии молодой Красной Армии, в глухой тайге прокладывали узкоколейки комсомольцы славных лет первых пятилеток.

И сегодня светлым напоминанием вам, юным, высятся на земле нашей построенные отцами гигантские домны и рудники, протянулись во все концы страны стальные рельсы железных дорог, поднялись в глухих когда-то местах новые города. Как символическое воплощение этой эстафеты стоят обелиски и памятники героям, которые боролись за великое дело Ленина и отстаивали его бессмертные заветы. Они разные. Остановись возле них. Вспомни страницы истории Советского государства. И многое откроется тебе.

Если выйти за околицу моего села, что на востоке Московской области, и свернуть с дороги, увидишь на взгорке потемневшую от времени деревянную пирамидку. Жестяная звездочка полыхает на солнце, горят белые буквы: «Слава герою!»

Дорог и близок мне этот незатейливый обелиск.

До сих пор горит в глазах желтая в одуванчиках луговина и рябая от следов дорога, уходящая в густую, набравшую силу рожь. Дорога то падает вниз, косо скатываясь к горизонту, так что видна зеленая маковка церкви в соседнем селе, то надвигается на меня — и тогда отчетливо виден каждый след. Это отец подбрасывает меня на руках, долго держит над собой, высоко-высоко и улыбается, пряча в искривленные складки губ что-то непривычно-грустное, но решительное. «Скоро вернусь, не плачь. Не успеешь оглянуться, вернусь. Только съезжу в Москву за велосипедом. Куплю, и тогда махнем в Ильинский лес по землянику».

А в небе над полем неистово заливаются жаворонки, черными точками падая в рожь. Но где-то уже летят к земле свистящие точки фугасных бомб, и черные тарелки репродукторов разносят по всем домам страшное слово: «Война!»

Далекое лето сорок первого года. Навсегда сохранила его людская память, навсегда осталось оно в наших сердцах полным надежд и печали.

Через месяц село наше обезмужичело. Остались лишь старики да дети — все отцы ушли той дорогой на фронт, а мягкую пыль на ней прибили кирзовые сапоги и горькие бабьи слезы.

Теперь всем хозяйством в деревне заправлял конюх Герасим: поднимал заборы, латал соломенные крыши, лудил ведра и подойники. Стукнуло ему шестьдесят, но ходил он быстро, и приятно было смотреть на его ловкие руки, в которых спорилась любая работа. Побывать в маленьком домике Герасима на Заречье было для каждого из нас заветной мечтой. Ты словно попадал в какой-то волшебный мир. Стены передней дома заполонили клетки с чижами и снегирями, щеглами и синицами, кенарами и дроздами. Птицы устраивали такой концерт, что слышно было на другом конце села.

Только, разглядывая это пестрое птичье царство, каждый из нас с нетерпением ждал, когда же Герасим снимет из красного угла увитую полотенцами, словно божницу, именную шашку и, вынув из ножен, даст потрогать ее точеное острие.

Шашка осталась с гражданской. Хранил ее Герасим как зеницу ока, и мало было среди нас счастливчиков, которым позволялось подержать ее в руках.

О своих боевых подвигах вспоминал Герасим мало, но зато часто рассказывал нам о военном параде на Красной площади, о том, как ехал он на тачанке и как ему приветливо помахал рукой Владимир Ильич Ленин.

Пришла осень сорок первого. Радио приносило тревожные вести. Враг стоял у Москвы, и на западе частенько слышна была пока еще далекая канонада. Герасим заметно помрачнел, ходил по деревне молча и все чаще и чаще пропадал в сельсовете — просился на фронт. По вечерам, лишь только загоралось в окнах закатное солнце, поднимались мы на колокольню и, вглядываясь в багровые полосы у горизонта, пытались разглядеть отблески прожекторов. Иногда приходил Герасим. Приложив к глазам руку, долго смотрел на зарево, тихо бормотал, будто ругая себя: «Опять Москву бомбят изверги». Наутро почтальон уносил в военкомат Герасимово заявление.

Тот день ничего особенного не предвещал. Ночью пала изморозь, затянула ледком лужи, посеребрила ветлы и тополя. Откуда узнали соседские мальчишки, что Герасим уходит на фронт, осталось никому не известным, но недаром же говорят, что земля слухом полнится. К полудню все мы собрались в центре села и нетерпеливо ждали его отъезда.

Герасим появился из проулка так неожиданно, что мы не успели вовремя отсалютовать ему из самодельных разнокалиберных самопалов. Необычно стройный в седле, подтянутый, в зеленой телогрейке и старых, непонятного цвета галифе, рысью проскакал он мимо нас, осадил коня у правления колхоза, что-то сказал выбежавшей из сеней председательше тетке Дарье Волковой, а потом резко развернул коня, помахал нам рукой и ударил в галоп. Таким и остался он в памяти: высоким и стройным, на гнедом Буяне уплывающим куда-то в неизведанное, богатырем, крепким и непобедимым.

Так уж сложилась судьба, что ушел Герасим последним, а весной пришла на него в село первая похоронная. Тетка Дарья приняла ее (у Герасима не было родственников), заголосили по всему селу бабы, и над крыльцом правления заполоскался на ветру красный в черном окаеме флаг.

Как только загорелись за околицей желтые пуговицы одуванчиков, поставили мы, мальчишки, маленький обелиск. Пирамида из грубо оструганных досок с жестяной звездой наверху поднялась у дороги, по которой уходили на фронт отцы, по которой проскакал к последнему своему подвигу старый буденновец, чтобы защитить и эту дорогу, и наше село, и колокольню, откуда следили мы за отблесками прожекторов в ночном московском небе.

Прошло время. Теперь в центре села склонил в скорби голову бронзовый солдат. Шумят над ним тополя и березы, горят на фронтоне постамента золотые имена односельчан, не вернувшихся с войны. Но если выйти за околицу и свернуть с дороги, увидишь потемневший от времени деревянный обелиск. Жестяная звездочка полыхает на солнце, горят белые буквы: «Слава герою!»

Да, страна помнит своих героев. Всех, кто, выполняя бессмертные заветы Владимира Ильича Ленина, вывел Советское государство на самые передовые рубежи мировой истории. Они живут в замечательных делах и свершениях, с которыми идет наш народ к знаменательному ленинскому юбилею. Они живут в сердцах юных, тех, кто зажигает у подножия обелисков красные огни гвоздик и тюльпанов. Они живут в шуме парков и березовых рощ, вставших над землей нашей в их честь и память.

Непрекращаемо течение времени. Беспрерывно биение жизни. И вам, юным, принявшим героическую эстафету от отцов, нести ее дальше. И делать жизнь с героев, слава которых бессмертна.

В. КУЛАГИН

Сайгачьи тропы

— Видите эту красную точку? — Аркадий Александрович Слудский остановил свой карандаш на одном из участков карты.— Здесь нам и предстоит завтра расположить свой лагерь.

Но немногие из присутствующих знали, что, прежде чем поставить эту точку, ученый не раз отправлялся в горячую пустыню на маленьком зеленом «кукурузнике» и, с трудом продираясь сквозь казавшееся густым, как патока, воздушное пространство, до боли в глазах вглядывался в желтые просторы земли с одним желанием: отыскать стада сайги.

— Ее, что тюленя в море, не сразу различишь, — словно оправдываясь, улыбнулся ученый, — хитрая, быстроногая антилопа всегда начеку.

И вот тысяча километров позади. Даже не верится, что мы стоим на той самой точке, которую показывал нам в своем кабинете Аркадий Александрович. Неумолимо светит раскаленное солнце пустыни. С надеждой ловит глаз хотя бы одно облачко в этой белесой вышине, но его нет и не будет — такая уж погода стоит здесь в эту пору.

По совету Слудского располагаемся на берегу тихой илистой речки Тургай. В ее воде полно черепашек, которые то и дело выходят на берег погреться и, высунув из-под панциря маленькие головки, с любопытством поглядывают.

Под толстым брезентом палатки душно. Но никто не сидит без дела. Одни готовят бирки для кольцевания сайгаков, другие копошатся у многочисленных удочек. Наиболее расторопные уже тянут из воды карасей. Будет вкусная уха!

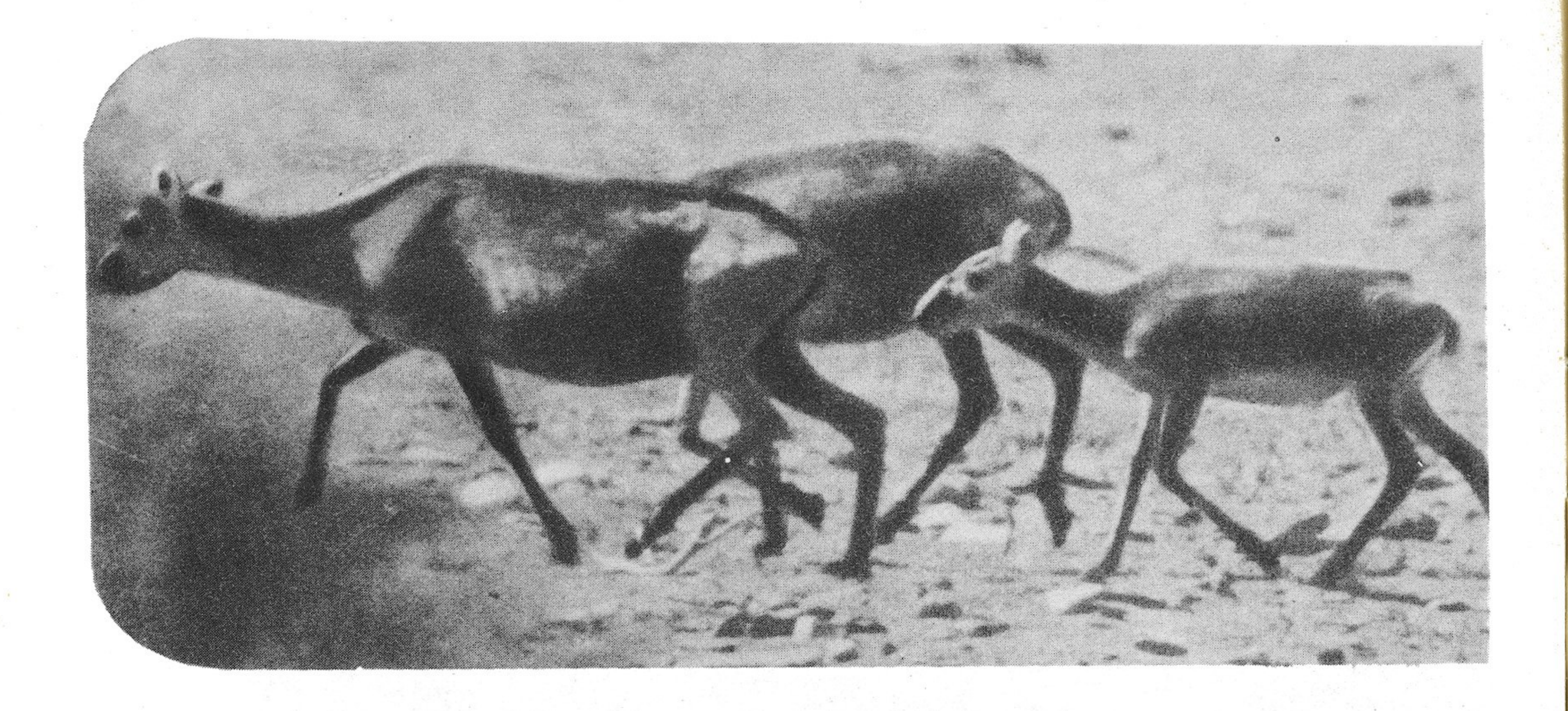
Я же занят своим делом: заряжаю пленку, еще и еще раз проверяю камеру. Начнется работа — некогда будет возиться с мелочами. В таких съемках дело решают секунды.

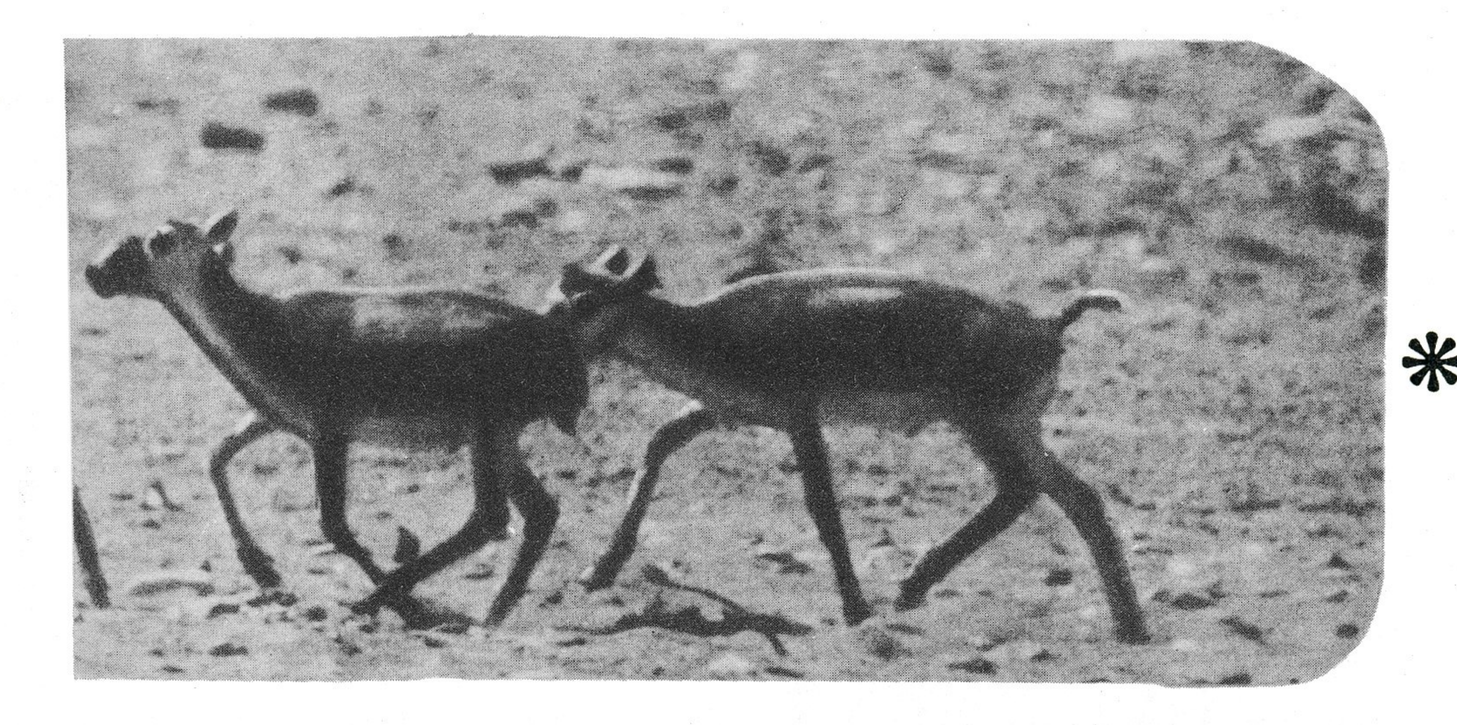
Опустились сумерки. Стало прохладнее. Красный солнечный диск, словно под сводами планетария, уже по пояс ушел за горизонт и готов был скрыться совсем, оставив нас наедине с непроглядной ночью пустыни.

В соседней палатке Аркадий Александрович Слудский вполголоса напутствовал своих товарищей-охотоведов. Задача была сложной: в степных просторах учесть диких копытных, уточнить места окота, окольцевать несколько тысяч новорожденных сайгачат. Кроме того, предстояло определить норму отстрела, чтобы она не противоречила законам воспроизводства.

Спать не хотелось: до того напряженным было ожидание встречи с быстроногими обитателями Тургая.

В темноте, прореженной неяркими отблесками звезд, мы и сами не заметили, как наш лагерь оказался окруженным большим сайгачьим стадом. Все вокруг

блеяло, кричало. Казалось, земля дрожит от копыт бегущих на водопой тысяч антилоп. Я стоял с кинокамерой, проклиная тьму. Но, к счастью, рассвет разгорался быстро, а сайгаки все прибывали. Расталкивая друг друга, они стремились к воде и, припав к ее черноватой поверхности, цедили сквозь зубы освежающую влагу.

Мой аппарат стрекотал без умолку. Метр за метром ложились на пленку незабываемые кадры утреннего водопоя сайгаков. Опытный ученый не ошибся в своих предположениях и вывел нашу экспедицию точно к цели.

Брызнули первые лучи солнца. Они щедро рассыпались по степи, озарив Тургайскую впадину золотом зари. Нельзя было оторвать взгляд от этой первозданной красоты. Горели, будто подожженные рассветом, красные стволы тальника, желтые яркие цветы лютика. Издали пышными кустами розовел гребенщик. В безудержном весеннем цветении даже неприхотливая колючка и та кажется тюльпаном.

Полюбился Тургай не только людям. Издавна он слывет главной магистралью, перевалочной базой дичи. В его небе, точно в бесконечном голубом океане, плывут несметные караваны птиц. Но, конечно, безраздельными властителями здешних мест стали сайгаки. Со всей пустыни Бетпак-Дала собираются они сюда для выведения потомства. Многие сотни километров преодолевает антилопа, живущая в Каракумах.

— Слышите, какой рев стоит? — спросил меня Аркадий Александрович и тут же пояснил: — Это идет зверь к месту окота.

Сколько ни наблюдаешь эту картину, всегда поражаешься щедрости природы. Уж так устроено это диковинное животное. Как рыбе глубина, нужны ей необъятные просторы и горячий воздух пустыни. Человек должен помнить: природа сама сделала его властителем этих богатств, ему поручила их охрану и приумножение. Если использовать все это умело, по-хозяйски сокровища степей неиссякаемы.

— Да... — качнул головой Аркадий Александрович, — ведь всего полвека назад даже в учебниках писали, что сайгак — современник мамонта — относится к вымирающим видам. И тут вдруг живое ископаемое обернулось таким чудом.

Вместе со Слудским мы двинулись к месту окота. Степь переполняли сайгаки. Самки собрались сюда огромными стадами, чтобы вместе защитить друг друга от хищников.

— Как все-таки разумна природа, — продолжал свой рассказ Аркадий Александрович, — она все учла, обо всем позаботилась. Даже волки и те в какой-то мере необходимы сайгакам. И что характерно: если рядом со стадами их логово, они ни за что не тронут живности, а уйдут на промысел далеко в степь. В этом случае они — хорошие санитары: уничтожают больных и павших антилоп. Но наше дело строго следить, чтоб хищники не плодились чрезмерно.

...Одна за другой машины двинулись в степь. Дорога петляла между балочками и овражками. Изредка у обочины попадались серые комочки сайгачат. Чтобы избежать опасности, они жались к пыльной земле и пугливо глядели на нас.

Шофер притормозил машину. Мы вышли и растянулись в длинную цепочку.

— Да тут целый детский сад! — радостно воскликнул Аркадий Александрович и, обернувшись к своим товарищам, приказал: — А ну, за дело!

Каждый осторожно подходил к теплому трепещущему комочку, ловко прикреплял к ушку алюминиевую бирку и уходил. Сайгачата даже не сопротивлялись, только опасливо поглядывали на Слудского, который провожал каждого прописавшегося младенца добрым взглядом.

— Удирают несмышленыши, — послышался гулкий бас одного охотника, — через денек-другой станут на ноги, и на машине не догонишь.

— Мы тут уже несколько тысяч таких новоселов прописали, — заметил Слудский, — теперь уж точно будем знать, где начинаются и кончаются сайгачьи тропы.

Сайгачат становилось все больше. Они уже не боялись нас и неуверенными шажками подходили совсем близко, тыкались мордочками в комбинезоны, видимо принимая нас за матерей.

— А где же матери? — не вытерпел я.

— Как где? Пасутся поодаль, отводя от малышей хищников. Видите, ходят по кругу?

Невдалеке паслись сотни мамаш. Стоило только нам подойти поближе, как они поднимали головы и со страхом глядели на нас, будто спрашивали: «Куда идете? Нельзя!»

Инстинкт заботы о потомстве у самок начинается после брачного сезона, когда затухают ожесточенные драки самцов и отощавшие и выбившиеся из сил рогали оставляют свои гаремы и, объединившись в мужские отары, уходят в степь.

А самки ранней весной отправляются на поиски самых глухих мест, чтобы в первых числах мая пополнить свое семейство новым потомством. Опекают самки свое потомство до тех пор, пока детеныши не окрепнут и не станут на свои длинные ноги.

День клонился к закату. Повеяло приятной прохладой. Слудский замедлил шаг. Потом остановился, вглядываясь в горячие отблески вечерней зари.

— Хороша красота степная! — не выдержав, воскликнул Аркадий Александрович. — Ни с чем не сравнимый край. Мир степей — это мир музыки. Прислушайтесь. Какова песня!

— Соловей?

Слудский отрицательно покачал головой.

Я стал осторожно подкрадываться к месту, откуда слышались переливы замысловатой мелодии. Мне казалось, что из кустов вот-вот выпорхнет маленькая певунья, но стоило подойти ближе, как голос умолкал.

— И не трудитесь, — рассмеялся Слудский, — ваш объектив бессилен. Это ведь не птица поет, а зверек — пищуха. Ее голос многие путают с трелями птиц...

Я был разочарован и про себя невольно подумал, как мало знаем мы, горожане, о тайнах кудесницы природы, о тех загадках, которые то и дело попадаются на нашем пути.

Много еще разных разностей довелось услышать мне от моих бывалых друзей.

— Сайгак — он добрый, он всем жить дает, — будто размышляя вслух, говорил Слудский, — за ним вслед по степи идут волки, летят орлы, бегут лисицы. Хоть и не одна семья, а вот поди ты, жить друг без друга не могут.

Ученый умолкает, а я смотрю в степь на багряный пожар тюльпанов, на все это многоцветье весны, и не хочется двигаться с места, хоть и пришла пора покидать сайгачью обитель.

Сложены палатки, упакован груз. Дорога ведет по извилистому берегу Тургая. Из окна машины хорошо видна степь. Невдалеке от дороги заботливые мамаши ведут сайгачат на водопой, тех, что уже встали на ноги и начинают самостоятельную, полную радостей и неожиданностей степную жизнь.

А я уже думаю о новых местах, о том, что доведется увидеть мне завтра в этом сказочном неизведанном краю.

Д. НОСОВ

Все чаще по утрам на деревьях и траве появляется бархатистый липкий иней. Вот-вот выпадет и настоящий большой снег.

Много работы сейчас у юных натуралистов. Нужно подготовить сад к долгой зиме, заготовить корм для зимующих птиц и зверей, утеплить виноградники и бахчи... И все свои дела пионеры страны посвящают славному юбилею — 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. О некоторых из них рассказывает сегодня «Наш вестник».

СЕВЕРНЫЙ АБРИКОС

Тихо, сумеречно сейчас в роще. Тоскуют тополя, роняя на землю коричневато-желтые высохшие листья. Падают и падают листья, и на земле их целый ковер. Идешь, а они шуршат под ногами. И нравится этот шорох — последний привет осеннего леса.

У юннатов Лесоперевалочной средней школы свои заботы. Нелегко собрать урожай в саду. А урожай в этом году был отменный. Ребята собрали 3 тонны ранетки — тувинка Леонова. Но гордостью юннатов является абрикос, который в Хакасии большая редкость. Дело в том, что абрикос рано зацветает. Тополя еще не успеют почки распустить, а он уже цветет. Частые весенние заморозки губят цвет. Поэтому абрикос не плодоносит. Ребята решили провести опыт — задержать цветение. И это удалось.

Кто знает, пройдут годы, и повсюду в солнечных степях Хакасии поднимутся абрикосовые сады, и в этом будет немалая заслуга юных садоводов-селекционеров.

ЗЕЛЕНАЯ СТРАЖА

Голубой прохладной лентой вьется Клязьма, ласково журчат хрустальные струи на перекатах. Но за последние годы стала мелеть река. Вешние потоки и ливни, обильные в этих местах Московской области, размывают берега. Чтобы укрепить их, нужен лес.

Любят свою Клязьму, дорожат родной природой юные натуралисты города Павловский Посад. Вот почему только в одном этом году они посадили вдоль берегов свыше 17 тысяч кустарников и деревьев, вырастили в прибрежной полосе более 190 тысяч цветов.

Идут осенние дожди. Но ребята спокойны за берега Клязьмы. Корни деревьев и трав надежно держат их земляной покров.

О ЧЕМ ШУМЯТ ЛЕСА

Хороши сосновые леса осенью. Укрытые голубой дымкой дождя, они терпко пахнут вечнозеленой хвоей, отсыревшей корой и увядшими травами.

Любят лес ребята поселка Мирный Горьковской области. Вот почему организовали они свое школьное лесничество. Неплохо поработали юные лесоводы. Они заготовили на зиму 300 килограммов сосновых шишек, смастерили и развесили по деревьям 80 домиков для скворцов и синиц, расселили 20 муравейников.

Чувствуя заботу о себе, благодарно шумит лес, под ковром мокрой листвы приберегая для своих друзей весенний подарок — целые поляны цветов, грибов и ягод.

ЗВЕЗДОЧКИ

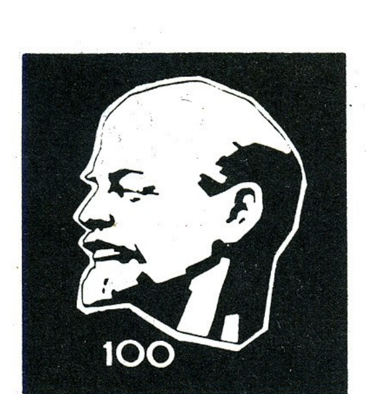
Яркими душистыми звездочками пылают на клумбах цветы. Косые лучи солнца по-осеннему мягко играют в их крупных лепестках, прихваченных первым морозом. Цветы эти особые. Рассаду их вырастили по заданию ученых в своих теплицах юные натуралисты Ошмянской средней школы Гродненской области.

Много удивительного можно встретить в стеклянных лабораториях. Одних только роз здесь 16 сортов. Быстро набирают силу астры, бегонии, сальвия, львиный зев, анютины глазки.

В этом году пионеры высадили у памятника погибшим воинам в городском парке культуры алые гвоздики и голубые незабудки. 15 тысяч корней цветочной рассады передали школьники детским садам области.

Но самую красивую клумбу с наиболее редкими сортами цветов заложили ребята возле школы и дали ей название «Юбилейная». Она посвящена 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

ЦЕННЫЕ СЕМЕНА

Колышут широкой зеленой кроной ветвистые деревья. До самой зимы плещут узорной листвой могучие акации. А кто не знает, что жизнь дерева начинается с семени. Каждый год работники лесхозов проводят сбор и заготовку семян различных пород. Это очень трудоемкое и хлопотливое дело, и не всегда под силу взрослым.

Юные натуралисты Кошехабльской средней школы Адыгейской автономной области решили помочь местному лесничеству заготовить семена белой акации. Ребята договорились, что каждый из них должен собрать не менее 100 граммов семян этой ценной породы.

Пионеры сдержали слово. 23 килограмма семян собрали юные лесоводы. Но сбор продолжается. Стоит холодная осенняя пора. И пока не выпал глубокий снег, деревья щедро отдают лесоводам свои созревшие полные стручки.

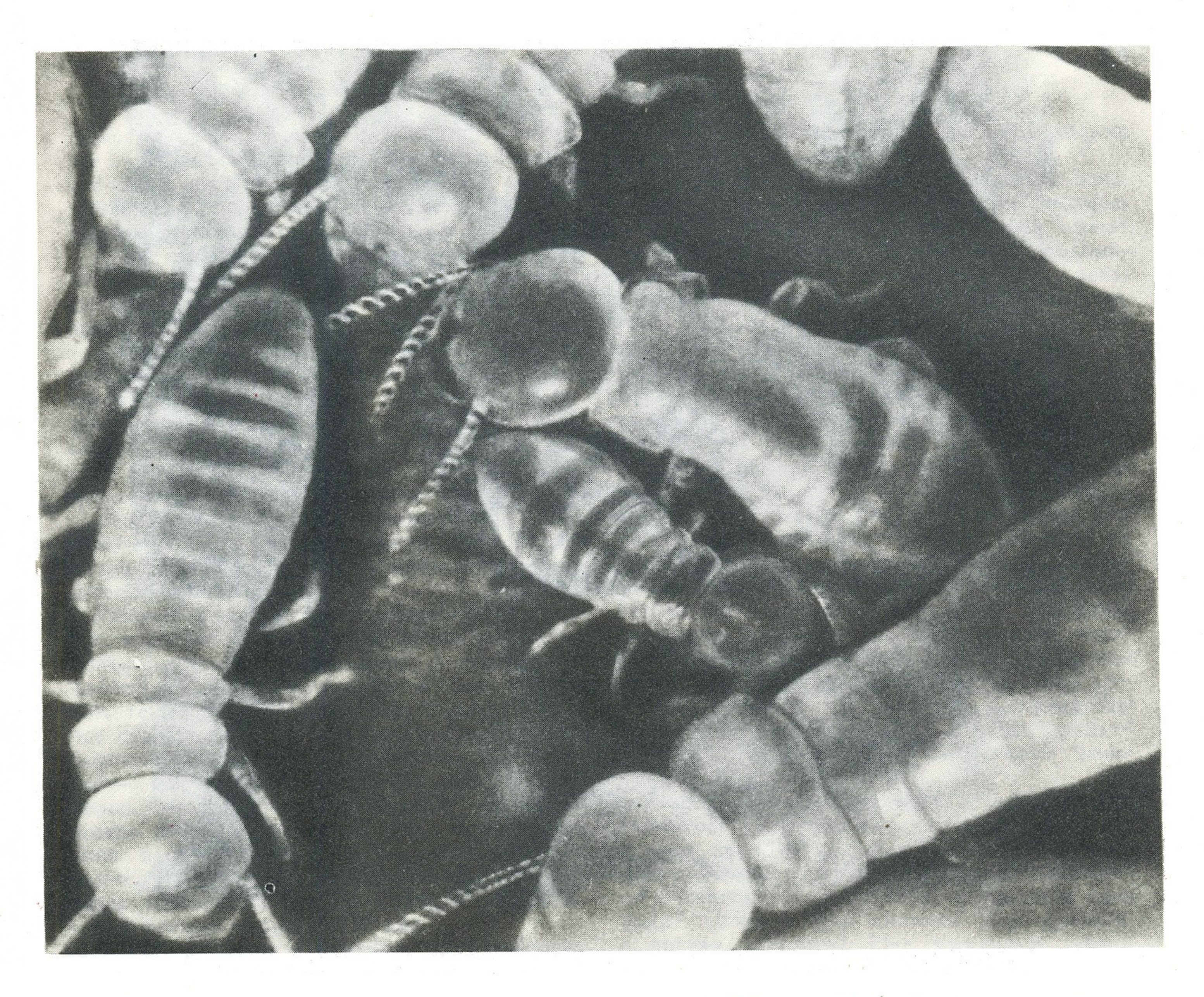

ПОД СВОДАМИ ГЛИНОБИТНОГО ДОМА

Так вот он каков — такыр, глинистая пустыня. Куда ни глянь — до самого горизонта унылая серо-желтая глина, растрескавшаяся от жары. Чахлый кустик тут, кустик там. Лишь иногда промелькнет быстрая ящерка, проползет жук чернотелка. Кажется, и нет больше никакой жизни в такыре. Но жизнь в пустыне часто прячется. Сразу ее и не увидишь. Для изучения скрытой жизни и послана на юг Туркмении наша экспедиция. А вот и цель — небольшие гладкие холмики, как один вытянутые на юго-восток. Это термитники — жилища больших закаспийских термитов.

Ничего не поделаешь, придется потревожить покой хозяев. Не сразу удается разбить лопаткой твердую крышу термитника. Дальше легче: пошла влажная глина. Внутри — лабиринт ходов и много расширений — камер. Похожие на муравьев насекомые стараются уползти от света, забиться в свои пещерки. Только ползают они что-то медленно, не по-муравьиному. Поймал одного: брюшко длинное, сам белый, головка желтая. Среди насекомых самые близкие родственники термитов не муравьи, а совсем не похожие на них тараканы.

Когда держишь двумя пальцами это невзрачное насекомое, невольно чувствуешь к нему какое-то уважение. На Земле они появились 400 миллионов лет назад, раньше, чем страшные ископаемые ящеры. Только ящеры-то давным-давно вымерли, а термиты дожили до нашего времени. За миллионы лет эти насекомые мало изменились. В те времена на Земле был жаркий и влажный климат: поэтому, наверное, большинство нынешних термитов живет в тропиках, и лишь некоторые забираются в такие «холодные» места, как Туркмения.

● Словно дома, возвышаются термитники, построенные южноафриканскими термитами. Эти постройки такие твердые, что с трудом поддаются лому. ● Южноафриканские термиты в гнезде.

Отпускаю пленника. Теперь его и не найдешь среди таких же собратьев. Впрочем, не все термиты одинаковы.

Большинство обитателей термитника похожи на только что отпущенного. Это термиты-рабочие. Их голова, челюсти, ноги одеты твердым роговым панцирем, чтобы удобней было работать. Челюсти тупые, зазубренные, крепкие: тонкую спичку «рабочий» перекусывает. Грудь и брюшко мягкие, кожа совсем тонкая, полупрозрачная, так что можно разглядеть внутренности.

Что делают «рабочие» в термитнике, ясно из самого их названия. Работают. И много. Этаж за этажом возводят рабочие закаспийского термита надземную часть своего глинобитного дома. Без конца строят сводчатые галереи и подземные ходы на десятки метров от термитника к засохшим кустам, куда насекомые ходят за пищей. Строительные работы — нелегкий труд. Сухая глина не лепится, а воды в пустыне нет. И рабочие добывают воду, роют ход — колодец глубиной до 15 метров. Воду из колодца они приносят в специальном расширении пищевода, в зобе. Отломив челюстями кусочек сухой глины, термит поливает его водой из зоба, приклеивает куда надо и утрамбовывает головой. Так, кусочек за кусочком и возводится постройка. Работают термиты только ночью и в пасмурные дни: они не любят солнца. Рабочие термиты добывают и пищу. Кроме них, мало кто будет есть сухую траву, древесину, навоз. Термиты могут долго жить в стеклянной банке, в которую положили кусок бумаги. Такая пища их вполне устраивает.

Родственникам наших закаспийских термитов добывать пищу легко. Они живут в стволах деревьев. Прогрызет такой термит ход в дереве, заодно и пообедает. Пустынным же термитам приходится таскать нарубленные кусочки кустов и сухих травинок издалека. Но и это еще не все! Рабочие должны чистить обитателей гнезда, кормить их, ухаживать за яйцами и личинками, убирать отбросы в специальные камеры, а при нападении врагов участвовать по мере сил в защите гнезда.

Пока я размышлял над тяжелой жизнью рабочих термитов, они успели уползти и в отверстиях ходов торчали только челюсти термитов-солдат. Сунул ноготь — один сразу же вцепился. Вытаскиваю его наружу. Ого, какая огромная голова!

У термита-солдата мощные мышцы, приводящие в движение крепкие, острые, как турецкие ятаганы, челюсти. Такие челюсти не годятся для работы. Это оружие. Хотя термиты и мирные лесорубы, у них множество врагов, и нужны солдаты для охраны. Голова солдата с грозными челюстями почти совсем закрывает узкий проход термитника, он один может сдержать натиск целой армии хищных муравьев — главных врагов термитов. Но в просторном помещении или в чистом поле, на поверхности, солдаты легко уязвимы. Быстрые муравьи обходят их с тыла и разрывают нежное, незащищенное брюшко. Но и погибающий солдат не перестает сжимать и разжимать челюсти, перекусывая потерявших осторожность муравьев.

Однажды в большой камере одного термитника я нашел высохший труп десятисантиметровой ядовитой сороконожки — сколопендры. На ее боках торчали восемь вцепившихся мертвой хваткой голов солдат, тоже высохших. Никаких других ран на теле сколопендры не было видно. Эта часто забирающаяся в термитники разбойница, видимо, погибла даже не в бою, а от голода, потому что не смогла вылезти из камеры через узкие ходы вместе с вцепившимися в нее солдатами.

Сначала кажется, что все термиты только и делают, что бегают туда-сюда по ходам и камерам. Но если термитник раскопать, можно увидеть постоянных жителей. В такой квартире найдешь десяток-другой белых личинок, одного-двух солдат, находящихся тут на всякий случай, пять-шесть все время сменяющихся рабочих. Иногда тут же лежит и кучка слепленных между собой яиц термитов — маленьких округленных цилиндриков желтого цвета.

Долго приходится копать, прежде чем найдешь самую главную камеру термитника, где живет огромная царица. Приглядишься — сама-то она не так уж велика, а брюшко действительно огромное. Вокруг громадной царицы суетятся рабочие. Они чистят и облизывают ее, приносят ей пищу. Тут же слоняется и царь. Он вдвоевтрое меньше своей супруги, поэтому царская чета выглядит весьма забавно. Поодаль прохаживаются солдаты.

Замурована царица термитов на всю свою долгую жизнь: выйти из своего дворца она не может — не пролезет толстое брюшко в узкий ход.

Рабочие и солдаты, по существу, личинки: недоразвитые самцы и самки. Они никогда не станут взрослыми. А термитник должен расти. Чем больше в нем термитов, тем сильнее семья. Царь с царицей — это старые самец и самка, которые когда-то основали термитник, все рабочие и солдаты — их потомство за много лет. У некоторых термитов самка кладет за свою жизнь до ста миллионов яиц. Если царская пара погибает, из личинок выращиваются заместители, но самки-заместительницы меньше настоящей царицы. Заместителей бывает много, до 30 пар.

Ближе к осени в жилище закаспийского термита легко увидеть молодых самцов и самок — будущих царей и цариц. Они гораздо красивее остальных обитателей гнезда, и у них есть длинные, аккуратно сложенные вдоль спины дымчатые крылья. Кажется, этим принцам и принцессам нужны крылья только для украшения — куда же лететь под землей? Да и сами крылатые, как их обычно называют, похоже, ни к чему в термитнике: бродят без дела по ходам. Но в обществе термитов, как и вообще в природе, мало что существует зря. Все становится понятным, если тот же термитник навестить весной. У его жителей весна — время роения, то есть вылета крылатых самцов и самок из родного гнезда для очень важного дела: основания новых термитников. Этот единственный в году праздник у тружеников термитов происходит апрельским теплым вечером после дождя, когда нет убийственной жары.

Торжество начинается так: рабочие проделывают в крыше термитника несколько отверстий, и оттуда первое время торчат только шевелящиеся усики. Затем на поверхность выходят два-три десятка рабочих и солдат. Враги термитов, в первую очередь муравьи, не зевают и нападают на вышедших на поверхность насекомых. Поэтому термитам приходится праздник совмещать с войной.

Через некоторое время появляются крылатые. Побегав взад-вперед, они подпрыгивают и взлетают. Смешной вид имеют термиты, у которых почему-либо обломились крылья. Они нелепо прыгают, трепеща крошечными остатками крыльев, но, убедившись, что взлететь не удастся, пускаются в путь пешком.

Хотя у молодых термитов и четыре длинных крыла, они плохие летуны: их просто несет ветром куда попало. Единственный в жизни полет длится недолго. Устав или наткнувшись на препятствие, они падают на землю и начинают обламывать крылья, цепляя их за выступы почвы или растения. При этом термитам совсем не больно: крылья обламываются по специальному шву. Дальше двигаются пешком. Найдя удобное место для гнезда, они закапываются поглубже, делают первую камеру и закрывают вход. Сначала царская семья все делает сама: в это трудное время, оказывается, и принцы и принцессы умеют и рыть, и строить, и выращивать личинок. Только потом все заботы перекладываются на рабочих.

Много интересного таит в себе жизнь термитов. Почему одни личинки так и остаются недоразвитыми и из них получаются рабочие и солдаты, а другие развиваются и становятся взрослыми самцами и самками? Почему одна личинка дает солдата, а другая рабочего? Над загадками термитов работает много ученых во всем мире.

Изучение жизни этих насекомых нужно и для лесного, сельского хозяйств и для промышленности. Термиты приносят вред, разрушая деревянные сооружения, особенно в тропических странах, где насекомые часто выедают доски изнутри. Дом, съеденный ими, снаружи может выглядеть целым, но в один прекрасный день рассыплется в труху над головами людей.

Термиты могут питаться и синтетическими материалами. Они портят дорогое оборудование, съедают изоляцию, повреждают детали приборов. Поэтому-то во многих странах, и у нас тоже, снаряжают экспедиции, работают лаборатории, задача которых выяснить, какие материалы можно применять в южных странах, где термиты встречаются во множестве; нельзя ли найти такие вещества для пропитывания дерева и синтетических материалов, чтобы они стали несъедобными для этих насекомых.

Значит, не зря мы потревожили покой термитника. Его жителям предстоит долгий путь в Москву. Там, в стеклянных садках лаборатории, этим удивительным насекомым придется раскрывать свои тайны.

О. МЕЛЬНИКОВ

ГАРРИЙ НЕМЧЕНКО

ЗИМА НА НОСУ

Сказка-быль

Осенним днем шел по тайге громадный медведь Рык.

Последнее лето выдалось щедрое, малинники стояли густо усыпанные отборной ягодой, кедры ломились под гроздьями шишек, да и на охоте Рыку везло, а потому был он сейчас гладок, жирен, и его расчесанная тугими ветрами шерсть лоснилась на солнце.

И Рык шел важно, вперевалочку и совсем не поворачивал головы, чтобы поглядеть на сороку Риту, которая давно уже перелетала над ним с ветки на ветку, рассказывая последние лесные новости.

Он уже знал, что утки собираются улетать, что журавлиха, которая живет неподалеку на болоте, в прошедшие заморозки простудилась, слегла и журавль прямо-таки не отходит от нее ни на минуту, что бурундук Чишка, маленький полосатый зверек, похвалялся, будто нашел себе для зимовки такой крепкий пень, какой не под силу разломать любому медведю.

Конечно, сорока могла и наговорить на Чишку, ей ничего не стоит, но сегодня при встрече Чишка не поклонился, как обычно, а быстренько юркнул в траву. Так что, может быть, и в самом деле болтал такое.

«Надо будет найти этот пенек, — подумал Рык, — выворотить с корнем и съесть Чишкины орехи. Чишка еще успеет найти себе новую зимовку и орешками запастись — он не лодырь, он ничего, трудолюбивый парнишка. А если не успеет?..

Ничего, — подумал Рык, — тогда поближе к зиме придется съесть и самого Чишку, чтобы он не очень переживал да не маялся без своих орешков...»

Потом он подумал, что ему тоже пора бы закончить свою берлогу. Сейчас-то погода хорошая, осень в самом разгаре, но нет-нет да и почувствует Рык в своем плече холодный кусочек свинца, и заломит плечо, заноет старая рана. Значит, вот-вот придут холода, дожди, а то и метель с мокрым снегом — от таежной осени, что там ни говори, всего ожидать можно.

И надо, пока не поздно, насобирать побольше сухой да мягкой травы, чтобы удобнее было спать всю долгую холодную зиму.

Раньше он почти не обращал внимания на свою постель, лишь бы не спать на голой земле, но с недавних пор осенью и весной, да и зимой в непогоду стал донимать его ревматизм — так и крутит косточки, так и крутит.

Вот и сейчас поднимешься на задних лапах, а в коленках хрустит, как будто давишь сухую кедровую шишку.

«Ничего не поделаешь, годы, — подумал Рык. — Десятый уже пошел — дело к старости».

— Ах, посмотрите-рите-рите! — прервал его размышления резкий голос сороки. — К-как кр-расиво в нашем лесу! Осень стоит пр-рямо-таки золотая!..

Она уже сообщила Рыку все новости, но улетать Рите не хотелось, а сопровождать медведя молча казалось ей неудобным.

— Хватит болтать! — недовольно буркнул медведь. — Я пока не ослеп... И убирайся, ты мне уже надоела!

— Но мне так хотелось бы посмотреть, как вы будете уносить с пасеки колоду! — скромно попросила Рита.

— Какую это колоду? — удивился медведь. — О чем это ты говоришь?..

Но обвести Риту вокруг пальца не так-то просто.

— Почему же вы тогда всю дорогу облизывались? — спросила она и опустила маленькую головку, пряча усмешку в белом своем воротничке. Только черный Ритин глаз остро поблескивал любопытством. — Вер-роятно, вы думали о сладком?..

— Р-рык! — грозно сказал медведь.

Чтобы напугать кого-либо, ему достаточно было громко произнести свое имя.

Так и сейчас — сорока, вздрогнув, неловко сорвалась с березы и, обиженно крича, полетела над лесом.

Рык долго смотрел ей вслед — до чего противная птица!

Толку от нее никакого: один раз правду скажет, зато девяносто девять потом соврет. Пойдешь на охоту, а она, балаболка, увяжется за тобой следом, трещит над ухом:

— Посмотрите-рите-рите!.. Там впереди косуля! Вы ее, верно, задерете?..

И если даже была косуля, то услышала — и след простыл.

Вызвалась она однажды помочь Рыку полетела посмотреть, дома ли пасечник Борода и что делает, если дома.

— Хр-рапит Бор-рода в избе! Храпит! — крикнула вернувшись. — И собаки его пр-ривязаны, спят — жар-рко!

И Рык смело подошел к колоде, приподнял ее и понес. Только что-то неспокойно вдруг стало у него на душе. Обернулся, а из дому бежит Борода с ружьем, и мальчишка его уже собак отвязывает.

Пришлось колоду бросать да убегать на всех четырех — на двух лапах разве далеко уйдешь? Хорошо еще, что выстрелить пасечник не успел, замешкался.

Нет, противная птица, что там ни говори, и правильно делал Рык, что разорял сорочьи гнезда, когда был маленьким. Сколько он их тогда разорил!

Но неужели сейчас он и вправду так облизывался, что даже эта пустоголовая трещотка все поняла?

До пасеки было уже недалеко, и Рык остановился, вытянул морду, принюхиваясь. Легкий ветерок приносил оттуда еле слышные запахи, но Рык различал их очень хорошо, и сейчас они сказали ему, что ближе пасеки нет никого, что до опушки перед ней он может идти, ничего не боясь.

Однако Рык давно уже убедился, что осторожность никогда не мешает.

И он пошел совсем медленно, стараясь не наступать на сучки, обходя вороха листьев, и под его мягкими лапами не слышно было теперь ни сухого треска, ни шорохов.

Так он дошел до кустов, росших у края опушки, разыскал знакомую прогалинку и выглянул осторожно, но трава еще не полегла, мешала смотреть, и тогда он приподнялся на задних лапах и вытянул шею.

На другом конце опушки под двумя большими закопченными котлами горел костер, над ним подрагивал легкий парок, и Рык даже отсюда ощутил перемешанный с горьковатой дымкой теплый запах хлеба и меда — это Борода вываривал воск.

Около котлов сидел на корточках его внук, а сам пасечник вместе с каким-то незнакомым Рыку человеком расхаживал возле крайних ульев.

Вот они остановились, поговорили о чем-то, потом вдвоем приподняли тяжелую колоду, поставили на маленькую тележку, и пасечник потащил ее к приземистому омшанику, где пчелы зимовали.

Теперь Рык увидел, что посреди опушки, там, где еще недавно стояло столько ульев, их оставалось не так много — в этом году почему-то Борода убирал пчел раньше обычного.

У Рыка прямо-таки засосало под ложечкой — так ему захотелось меду. Неужели он ляжет спать, не поев напоследок этих сладких, душистых сотов?..

Рык приоткрыл рот и стоял, часто-часто мигая.

Могучая его шея уже болела от напряжения, задние лапы затекли, но Рык все смотрел и смотрел, и у него, такого силь-

ного и большого, не хватало гордости отвернуться.

Сознавать это было совсем обидно, он засопел, отер лапой мокрые губы и посмотрел себе на грудь. Шерсть на груди тоже была мокрая.

«Вот, совсем распустил слюни», — подумал он сердито.

— Р-рык! — буркнул он громко и, ломая кусты, помчался от пасеки. Теперь ему нечего было терять, и он бежал, не разбирая дороги, и в лесу раздавался такой треск, что впереди Рыка, не обращая внимания друг на друга, неслись восемь вспугнутых зайцев и три лисицы, а сверху то и дело срывались и косо летели вбок

от тропинки, по которой бежал Рык, рябчики и дрозды.

На бегу он снес лапой добрую половину громадного муравейника, промчался было мимо, но потом остановился и повернул обратно.

Перед муравейником он присел и стал наблюдать за рыжими мурашами, которые из хвои, перемешанной с землей, выбирали своих белых куколок и тащили их вниз.

Рык очень любил смотреть, как работают мураши, и всегда в такие минуты жалел, что они не умеют собирать мед. А то сколько бы его было у Рыка!

Правда, он не терял надежды, что когда-либо муравьи возьмутся за ум, а потому иногда проверял муравейники. Разворошит верх, сунет к муравьям лапу и ждет, пока они облепят ее поплотней.

Обсосет потом Рык лапу и поморщится: нет, одна кислота, медом даже не пахнет.

Сейчас он даже проверять не стал — так ему не хотелось разочаровываться.

Муравьи все копошились, бегали суетливо, и Рыку почему-то стало жаль их.

Обеими лапами подгреб он хвою и землю, пытаясь все сделать так, как было, потом медленно побрел дальше.

Недалеко от того места, где под тремя большими березами, росшими на склоне сопки, он готовил себе берлогу, Рык прилег, чтобы перед тем, как взяться за работу, хорошенько погреться на солнышке.

В лесу было совсем тихо, только поодаль шуршали в опавшей листве мыши, да где-то совсем далеко постукивал по сухой коре дятел.

Потом Рык услышал, как рядом тонко зашелестели осиновые листья, один, другой, все больше и больше листьев, а затем они начали падать, тоже один за другим, и все шелестели и шелестели, как будто договаривались, кому лететь первому, а кому после.

Рык посмотрел на осину, потом задрал морду выше и прямо над собой далеко-далеко в голубом небе увидел стаю гусей. Они летели клином, две серые цепочки, иногда вскрикивали тоненько и печально, и голоса их почти неслышно падали на притихший осенний лес, на желто-зеленую землю, с которой они прощались до будущей весны.

«И чего они улетают, — подумал Рык,— если им так не хочется улетать?.. Если уж ты считаешь, что зимой очень холодно, тоже найди себе берлогу — мало ли их в лесу? И спи себе дома до самой весны».

Вон как хорошо будет в берлоге у Рыка, тепло и сухо.

Корни трех берез крепко переплелись в земле, и когда он в центре выгреб из-под них землю, получился прочный шатер. Лаз он, когда заберется спать, заткнет изнутри пучком травы, а дышать будет через небольшое дупло, которое есть около корня одного из деревьев.

Медведей находят зимой по обтаявшим дыркам в снегу, над которыми подрагивает на морозце теплый воздух.

А попробуй найди Рыка, если около его берлоги ни пятнышка!..

«Эх, жаль только, что так и не удалось перед сном поесть меду», — подумал Рык, и мысли его снова вернулись к пасеке.

Впервые в своей жизни он попробовал сладкого очень давно, когда был нянькой у своей младшей сестренки Сони.

Тогда мать принесла им колоду, и они ели соты, валялись на траве и снова ели, и мать со смехом говорила, что мед уже выступил у них на животах.

— Где ты его взяла? — спросил потом Рык у матери. — Завтра я тоже пойду туда и принесу не один улей, а целых два!

Но мать дала ему подзатыльник и строго сказала:

— Ешь да помалкивай... Это пока не твое дело!

Но Рык в то время считал себя совсем взрослым. Он и вправду был тогда уже силен и ловок, и в лесу не осталось ни одного его сверстника, которого бы он не поборол без подножки.

И потому утром Рык сбежал от матери и по ее следам пошел к пасеке. Сколько он там увидел колод!

В то время Рык думал, что ульи, так же как кедровые орехи или сладкие корешки, принадлежат всем, кто живет в лесу.

И он не стал дожидаться, пока пасечник уйдет в избу, — смело подошел к улью, сбил крышку и запустил лапу в соты, чтобы попробовать, такой ли этот мед сладкий, как тот, что принесла вчера его мать.

Несколько пчел больно ужалили его, и все-таки эта боль была совсем слабой по сравнению с той, которая пронзила его, когда впервые в жизни Рык так близко услышал выстрел.

Что-то обожгло ему ухо, и он бросился бежать, жалобно повизгивая, а вслед ему несся крик:

— Ух, я тебя!.. Среди бела дня...

Мать сперва надавала Рыку хороших подзатыльников и только потом зализала ухо и приложила к нему листок подорожника.

После этого Рыку почти каждый день приходилось драться со сверстниками и медведями постарше, потому что все они называли его одноухим и при встрече смеялись. А Рыку было обидно: почему это одноухий, если половинка уха все-таки осталась?

Зато теперь Рык понял, что ульи можно уносить только тогда, когда на пасеке не видно людей, и уже через год он все-таки унес один, а еще через зиму — другой, но потом, когда он стал старше, задумался: ведь, что там ни говори, это воровство?

А Рык по натуре не был разбойником.

Что ж, что в детстве он часто дрался — дерутся и медвежата и мальчишки. Зато теперь ему все меньше нравилось пускать в ход свои тугие лапы с громадными когтями, и он вовсе не одобрял тех медведей, которые, встречаясь, начинают задирать друг друга, бьют себя в грудь и, заменяя в словах все первые буквы на «р», чтобы выходило пострашнее, орут:

— Р-то р-здесь р-розяин?

И Рык решил помириться с бородатым пасечником и поговорить с ним по-хорошему. Разве не согласится тот давать ему немножко меду, если Рык будет носить ему из леса дрова, таскать из речки воду и помогать перетаскивать ульи? Люди поднимают колоду только вдвоем, а Рык великолепно справится и один.

Тогда бы они подружились, и Рык показал бы пасечнику в тайге такие места, о которых знают только медведи. Какие там травы, какие цветы! В жаркий день от них так пахнет медом, что у тебя поневоле текут слюнки...

Они бы поставили там ульи, чтобы пчелам не приходилось летать слишком далеко, и Рык охранял бы их, получая за это совсем немножко душистого меда.

Тогда Рык в любое время запросто заходил бы к пасечнику в гости, и тот садился бы за стол, пил чай, а Рык, подставив лапу под голову, полеживал бы рядом, и они беседовали бы о чем-либо интересном.

А потом Рык научился бы хитрому пасечникову делу и, глядишь, сам завел бы у себя колоды две-три, а потом и все десять. Пусть только пасечник подскажет, с чего начать, а то Рык уже пробовал ловить пчел, уговаривал их остаться в тайге, но они молча жалили Рыка или, вырвавшись, летели домой.

И чем больше думал обо всем этом Рык, тем сильнее хотелось ему завести свою собственную пасеку.

В гости к нему тогда бы стали захаживать все медведи, они бы чинно сидели кружком, ели бы соты и, облизываясь, говорили:

— Конечно, хозяин в тайге Р-рык!.. Он не любит драться, зато какой вкусный у него мед!..

И Рык твердо решил помириться с пасечником при первом удобном случае.

Как-то однажды пасечник и его жена собирали малину.

Рык увидел их и стал тихонько подбираться поближе. Зачем ломиться, как остальные медведи?.. А то еще пасечник подумает, будто он, Рык, слишком много о себе воображает, если идет, как хозяин, и разговора по душам может не получиться.

И Рык неслышно подошел совсем близко и только тогда приподнялся из кустов, и вежливо так сказал:

— Добр-рый день!..

Что тут началось!

И пасечник и его жена разом бросили ведра и закричали так, словно перед этим поспорили, у кого из них голос громче.

Потом они бросились бежать, обгоняя друг друга, и Рык видел позади то зеленую рубаху пасечника, то белую кофту его жены, то снова зеленую рубаху...

Наверно, они все-таки не поняли, что им сказал Рык. Как же им объяснить?

И тут Рыку пришла в голову очень хорошая мысль.

Не оставит же пасечник ведра на этой опушке, а наверняка вернется за ними!.. Если бы, предположим, Рык съел уже собранную малину, тогда бы подумали, что он, разбойник, только за этим и приходил. А что, если наполовину пустые ведра наполнить ягодами доверху?.. Тогда любому станет ясно: нет, ничего плохого Рык не хотел.

И он принялся за дело.

Впервые в жизни Рык отправлял ягоды не в рот, а бросал в ведро. Снимать их с куста он старался осторожненько, чтобы не раздавить да не поцарапать когтями, и даже выбирал и выбрасывал листочки, которые загребал вместе с малиной.

А чтобы ему было удобней, он повесил ведро на левую лапу — ну совсем так, как делают люди.

Ягод становилось все больше, и, когда Рык глядел в ведро, у него начинало сосать под ложечкой, и ему так хотелось запустить в ведро лапу, потом задрать голову и всыпать себе в пасть полную горсть сочных ягод.

Он прямо-таки измучился от этого желания и все-таки не позволил себе взять ни одной — пусть пасечник видит, что Рык честный и добрый медведь.

Когда он, наконец, закончил свою работу, у него ломило поясницу, задние лапы подрагивали от напряжения, а ту, переднюю, на которой он держал ведро, так и сводила судорога. Уж больно непривычная это была для Рыка работа!

Зато какое хорошее было у него настроение, когда он рядышком поставил на поляне два ведра, доверху — горушками — наполненных отборной ягодой, поставил и неподалеку прилег, подперев лапой голову. Интересно же будет посмотреть, как обрадуется пасечник, когда увидит, что ведра его не только целехоньки, но и полны малины!

Но пасечник все не приходил, и незаметно для себя Рык стал подремывать, а затем и вовсе заснул...

Ему приснилось, будто он помогает пасечнику перетаскивать ульи и тот улыбается, похваливает своего друга, а потом они садятся пить чай и человек весело говорит:

— Ну, решил я дать тебе один улей!.. Пора тебе и самому, Рык, обзаводиться хозяйством. На первых порах я тебе помогу, а потом...

И вдруг страшный грохот и резкий удар в плечо.

Вскочил Рык и тут же упал от нестерпимой боли. Приподнялся уже на трех лапах, хотел, собрав последние силы, броситься на врага, который прятался за кустом, и тут вдруг увидел, что враг этот — бородатый пасечник.

Закладывает тот в ружье второй патрон, и руки у него трясутся от страха.

Взревел Рык обиженно и бросился в лес. Хорошо еще, что вторая пуля его не задела.

«Может быть, пасечник сначала и не заметил, что Рык собрал для него столько малины, — в который уже раз подумал теперь медведь. — Наверное, не заметил...»

Потом-то небось ему стало стыдно, бегал небось, звал своего друга.

Да только обиделся Рык очень сильно, не хотел больше набиваться к пасечнику в друзья. Пусть тот первый к нему подойдет.

Вот и бродит Рык, поглядывает на ульи, а меда попросить гордость ему не позволяет.

А как было бы хорошо и самому перед долгой зимой медку поесть и угостить медведицу с Топом и младшим его братишкой Рык-Рычком.

(Окончание в следующем номере)

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

НОЯБРЬ

Этот холодный месяц можно назвать месяцем встречи осени и зимы. Почти каждый день завязывается между ними борьба. И хотя все равно должна победить зима, потому что пришла ее очередь, трудно порой определить, в какой день это случится. Ледяными щупальцами схватит ночью мороз землю, а поутру ударятся в хрупкий лед снежинки. И к вечеру вся земля станет белой. «Это еще не зима, растает снег, потому что лег не на мокрую землю», — говорят в народе. И через день земля опять станет черной. А лес совсем затих и почти равнодушно принимает эту борьбу. Только его обитателям приносит много хлопот смена белого и черного. Но по ночам зима все настойчивее берет свое.

Осторожнее пробирайся по лесу, не спугни тишину, которая то осенняя, то зимняя. Расскажи «Лесной газете» о всех новостях, о встрече зимы и осени. Ждем твоих осенних сообщений.

Волки поднялись, стряхнули с себя выпавший за день снег и, выстроившись походной цепочкой, один за другим двинулись вслед за волчицей. На опушке леса волчица увидела заячьи следы. Она потянула носом, жадно схватила заячий запах, остановилась, и вся стая замерла за ней. План был прост: одни остаются в засаде, а двое самых быстрых несутся по следу и гонят зайца.

Два волка опустили к снегу носы и понеслись на быстрых махах. Заяц уходил резво, оставляя волков сзади. Вот сейчас он сделает первый круг и выскочит на поляну, где ждут его затаившиеся волки. Сейчас... Но заяц оказался хитрее — он не окончил круга, прыгнул в сторону и исчез в кустах.

Волки вернулись туда, где в кустах затаилась волчица, виновато опустили носы, пристроились в хвосте походной колонны и двинулись в путь.

Лес кончился. Кончился глубокий снег. Перед ними были поле и далекие огоньки поселка. Из поселка приходил запах жилья и одинокий собачий лай. Запах жилья и лай тянули к себе. Волки жадно посматривали в сторону поселка, косились на волчицу и жались друг к другу от ветра. Ветер рвал шерсть, трепал прижатые уши и подбивал хвосты. В желудках было пусто, хотелось есть, и совсем недалеко была пища.

Все зависело теперь только от волчицы. Один шаг к дороге... Но волчица отвернула в сторону голову и, задуваемая ветром, грустно поплелась обратно в лес.

Дорога в поселок для нее была закрыта. Там жили люди, и ссориться с ними волчица не собиралась, помня те горькие уроки, когда наглость и дерзость ее собратьев строго наказывались. Нет, она не хотела ссориться со своими соседями, не хотела ставить под удар стаю и будущих щенков, она забыла про голод и повернула в лес поискать спящих под снегом тетеревов или новый заячий след.

Ни тетерева, ни заячьего следа сегодня не попалось. Волчица остановилась на глухой поляне, внимательно посмотрела на свое войско, будто успокаивала его, и, выбрав себе поглубже сугроб, свернулась серым клубком под можжевеловым кустом.

Сегодня был тихий зимний день. На ветвях елей и сосен мохнатыми сугробами лежал пушистый снег. Лыжи прекрасно скользили, и я с удовольствием обошел весь наш лес. Я уже собрался домой, как увидел глубокий след лыжи. Да, да! Одной-единственной лыжи. Этот след шел с бугра и дальше вдоль ручья.

Кто же это ухитрился спуститься с бугра на одной лыже? Я обошел горку, но с удивлением обнаружил, что неизвестный и на бугор тоже поднимался на одной лыже... Рядом со странным следом я не нашел ни следов лыжных палок, ни следов валенок.

Конечно, я тут же отправился по загадочному следу. Прошел вдоль ручья и обнаружил, что это не лыжный след. Чей же тогда?

Я обходил кусты, перебирался через канавы, подходил несколько раз к берегу ручья и начинал догадываться, что таинственный путешественник очень интересуется ручьем, а может быть, даже ищет такое место, где еще не замерзла вода.

Но вода в ручье давно замерзла. Я пробирался через заросли ветлы и ольхи, спотыкаясь о старые пни, и, наконец, добрался туда, где ручей встречается с рекой. В этом месте была небольшая полынья. Я увидел ее еще издали и тут же удивленно отметил, что след, похожий на след одной лыжи, пролег прямо к полынье. И там исчез! Я подошел поближе к черной промоине во льду и

там, где снега было совсем мало, разобрал следы небольшой лапы. Конечно, я много раз встречал такие следы — их оставляла на мокром песке выдра. Все оказалось очень просто — выдра решила переселиться из одного водоема в другой, но, поскольку ручей промерз почти до дна, животное вынуждено было совершить пешую прогулку.

Домой я возвращался, довольный своим открытием, — теперь я уже никогда не спутаю след лыжи со следом выдры, идущей по глубокому снегу.

Наш СЛЕДОПЫТ

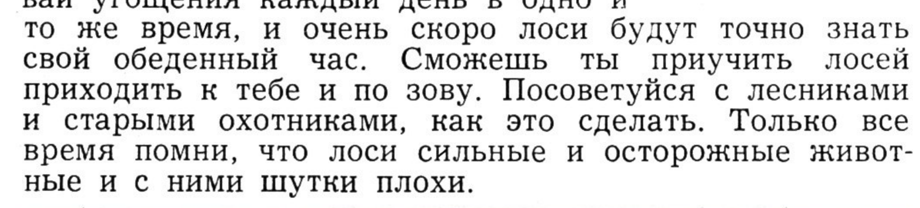

В ноябре ты должен приготовить кормушку для птиц. Прилетать к ней будут самые разные птицы: снегири, чечетки, свиристели, синицы, сойки, сороки и вороны. Сороки и вороны могут мешать обедать остальным птицам. Поэтому лучше построить для них отдельную кормушку и выкладывать туда каждое утро кусочки хлеба, кашу и другие остатки со стола. Могут помешать маленьким птицам и сойки. Они очень любят желуди. Запомни это, положи в стороне от обеденного стола немного желудей, и сойки будут вертеться только около них. Но желуди надо обязательно раскрошить, иначе сойки быстро растащат твое угощение и спрячут про запас.

Итак, стол для ворон и сорок и небольшой столик для соек ты уже приготовил и выложил там угощения. Теперь тебе надо заняться главным обеденным столом, куда будут слетаться все остальные птицы. Каждое утро высыпай на него немного семян березы, ясеня, клена, ольхи, клади немного ягод рябины, калины и можжевельника. Очень скоро твои гости запомнят час, когда для них накрывают стол, а если ты будешь опаздывать с угощением, то птицы могут научиться вызывать тебя. Особенно громко требуют пищу сойки. С этими крикунами всегда надо быть очень внимательным и никогда не оставлять без присмотра мешочек с угощениями — сойки моментально расклюют его и растащат все лакомства.

Не забудь в ноябре и про лосей. Найди на краю леса такое место, где лоси смогли бы издали увидеть приготовленный для них корм.

Положи там немного сена, соломы, несколько березовых веников и осиновые ветки. Если ты заметишь, что лоси уже разыскали приготовленный для них столик, то на следующий день снова положи им немного сена, соломы, веников и веток. Выкладывай угощения каждый день в одно и то же время, и очень скоро лоси будут точно знать свой обеденный час. Сможешь ты приучить лосей приходить к тебе и по зову. Посоветуйся с лесниками и старыми охотниками, как это сделать. Только все время помни, что лоси сильные и осторожные животные и с ними шутки плохи.

У меня дома есть большая клетка, в которой живут две пуночки, клест, щегол, зеленушка и самочка снегиря. Снегурка, клест и щегол совсем ручные. Птицы отлично перенесли долгую полярную ночь, и только резкая смена давления иногда действовала на зеленушку. Сейчас в красном уголке радиометеоцентра организуется живой уголок, и я своих питомцев переселю туда. В живом уголке будет большой аквариум. На Диксоне почти в каждом доме полярника есть рыбы гуппи. Есть и меченосцы, и я думаю, что еще многие рыбы могут и будут жить у нас на Севере. У полярников есть одна мечта — сделать оранжерею. Как было бы прекрасно, если бы у нас цвели розы. Летом я останусь на Диксоне, чтобы собрать гербарий растений.

Оля ИЛЬЧЕНКО

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

Скрипка — так зовут нашу собаку. Скрипка охотится на лис и зайцев. Она ощенилась зимой. В этот день охотники собрались на охоту. Никто не знал, что Скрипка ощенилась, — ее силой взяли с собой. Всю дорогу собака рвалась домой, но охотничий азарт взял свое. После охоты обнаружили щенят — они все замерзли. Щенят сложили в ящик. Прибежав с охоты, Скрипка кинулась к своим малышам, но не нашла их и жалобно завыла. Я принес ей замерзших щенят. Ну зачем ей мертвые, понюхает и успокоится... Но то, что я увидел, удивило меня. Было похоже, что собака делает щенкам искусственное дыхание. Она вылизывала им животики, шевелила лапами, грела своим телом, но щенки лежали без движения. Я не мог смотреть без боли на собаку и ушел домой — будто вместе с охотниками сделал очень плохое. А утром пошел забрать щенят, чтобы закопать их и не мучить собаку. Но, подойдя к сараю, я услышал писк. Я сначала даже не поверил, но шесть щенят были живыми и шевелились под Скрипкой. Только один лежал в углу без движения — он не выжил. Когда я его забрал, то Скрипка не обратила даже на него внимания, зато к остальным щенкам никого не подпускала.

Саша АНТИПОВ

К НОВОМУ СТОЛУ

Все лето глухари жили около лесного болота, а с началом зимы перебрались в осиновый лес. Там они ощипывают осиновые почки.

НОВОСЕЛЬЕ

С наступлением зимы сороки и вороны перебрались в деревню. Они сидят на заборах и высматривают, чем бы поживиться. На ночь птицы забираются под крышу скотного двора и спят там.

В ПУХОВОЙ ПОСТЕЛИ

Тетерева больше не улетают на ночь в лес, а спят прямо в снегу под березами. Утром они выскакивают из снега, забираются на березу и лакомятся березовыми почками.

НЕПРОШЕНЫЙ ГОСТЬ

Утром около дома появились следы лисы. Лиса обошла все дворы, но ничего не нашла. Потом забралась в мусорную яму и отыскала там рыбью голову. Об этом рассказали ее следы. Наверное, лису привел в деревню голод.

СЕВЕРНЫЕ КОЧЕВНИКИ

К кормушке впервые прилетели пуночки. Они одеты в белые с серым шубки. Пуночки прилетели к нам с дальнего севера.

Декабрь — месяц самого короткого дня и самой длинной ночи. В декабре будто замирают и лес, и поле, и озеро. Но так только кажется.

Внимательно присмотрись к следам на снегу, которые ведут к твоему дому, запомни их, сравни с теми, которые уже видел, и ты узнаешь, какие животные посетили твое хозяйство. Обязательно записывай в дневнике, какие птицы и в какое время дня прилетают к кормушке, как ведут они себя за обеденным столом. Наблюдать за птицами очень интересно. Птицы могут ссориться между собой, прогонять друг друга, могут и уступать друг другу место. Лучше всего вести такие записи около окна, глядя на птиц, у кормушки через стекло.

Обязательно отметь в дневнике, когда впервые вблизи твоего дома появятся следы горностая. Зимой горностай оказывает человеку большую помощь, охотясь на мышей и крыс, которые на зиму собрались около жилья.

Когда ты отправишься в лес, в поле на лыжах, обязательно подсчитай, сколько зайцев и лис живет неподалеку. Сделать это несложно. Надо пройти утром по опушке леса и подсчитать количество следов, которые ведут в лес, и количество следов, которые ведут из леса. Число тех и других следов должно совпасть. Это число расскажет тебе о том, сколько раз зайцы или лисы выбегали из леса на поле.

Когда ты узнаешь, сколько длинноухих зайцев бегает неподалеку, станет ясно, сколько осиновых веточек, сена и веников надо выкладывать каждый день зайцам. Точно так же можно подсчитать количество обитающих неподалеку лис, лосей и белок. Время от времени проверяй свои подсчеты. След каждого животного зарисуй и каждому зайцу, лисе, лосю, белке дай свои имена. И тогда тебе будет интересно бродить по следам животных и изучать жизнь обитателей леса, с которыми ты почти что познакомился.

Обязательно отметь день самого большого мороза в декабре и запиши минимальную температуру воздуха в этот день.

Подсчитай, сколько было в этом месяце солнечных дней, сколько раз шел снег, надолго ли приходила оттепель и был ли гололед.

Отыщи в конце месяца самый глубокий сугроб и измерь его.

Сегодня на улице холодно и пусто, и только дым из труб поднимается высоко-высоко вверх. Такой высокий дым всегда предсказывает морозную погоду. Морозную погоду предсказывают и холодная ясная луна по ночам и красное-красное, будто обмороженное, заходящее солнце.

Но что это? Дым из трубы вдруг накренился, сгорбился и незаметно пополз вниз. Нет, он не спустился к земле, а только наклонился, скользнул по крыше и поплыл дальше к сараям и следующим домам. Ты увидел покосившийся дым, прибежал домой и посмотрел на стекла и рамы окна. Окно будто заплакало. Запомни эти приметы: заплакавшие окна и покосившийся вдруг дым — признаки ослабления мороза.

Ты снова вышел на улицу и узнал, что с северо-востока уже потянул тихий ветерок, и следом за ним появились на горизонте пока еще плохо заметные темные расплывчатые облака. Облака ближе, сильней ветерок, и вот первые колючие снежинки скользнули по стене дома и упали на мерзлую землю. Снежинок больше, гуще снег, и скоро уже белые мутные полосы загородили собой и дом, и забор, и березу около крыльца.

К вечеру снег разошелся по-настоящему, и утром первая лыжня пролегла от дома к опушке леса. Зима пришла.

Вчера я увидела, как небольшая лиса отыскала на берегу озера мусорную кучу. Все лето туда рыбаки складывали рыбьи головы и потроха. Лиса нашла замерзшие рыбьи головы и принялась выгрызать их изо льда. И тут с другой стороны к ней направился большой сильный лис. Я уже хотела было поругать его и попросить не обижать небольшую лису, но лис и не собирался отнимать у нее добычу. Он почтительно обошел чужой обеденный стол, высоко поднял хвост, направился в сторону. И принялся что-то отыскивать в кустах. Лиса поменьше плотно позавтракала, облизнулась и напрямую пошла в лес, и только тогда второй лакомка направился к мусорной куче. Я долго думала: что помешало сильному животному отнять добычу у более слабого?

Так что, ребята, помогите мне.

◀ 1

◀ 2

▲ 3

ЦАРСТВО НЕПТУНА

Море... Безбрежное. Неумолчное, даже когда спокойно. С тихим шелестом ласково плещутся его горделивые волны, словно перешептываются. Прислушайтесь — и немало историй, одну удивительней другой, узнаете вы из жизни царства Нептуна.

Фантастическим цветком распустились в его сказочном саду красавицы актинии. Недаром их на всех языках мира называют морскими анемонами. Актинии встретишь почти во всех морях земного шара. (Фото 1, 2, 3.) Примостившись к скалам на мелководье, они порой образуют огромные поселения. Но есть среди них и любители

забираться на глубину 6000 метров.

Хотя актинии и типичные морские животные, они не прочь поселиться и в опресненных водах. Несколько их видов живет в Кильской бухте, четыре — в Черном море, а вот в Азовском и Балтийском морях они уже не встречаются.

Если вам приходилось спускаться в подводное царство в наших северных морях, вы наверняка видели актинию эквину. Ярко окрашенная в красный или зеленый цвет, она особенно красива, когда окружена венцом из нежных прозрачных щупалец. А их у нее 192! Интересно путешествует эта актиния. Сначала часть ее мясистой подошвы

◀ 4

5 ▼

6 ▶

сильно вытягивается и наклоняется в сторону движения. Затем, прикрепившись, актиния подтягивает другую. Так и шагает по дну. А вот некоторые ее сестры отправляются на прогулку, упав на бок, а мелкие анемоны могут даже плавать, закидывая назад свои щупальца.

У эквины покладистый характер. Она не капризна, и ее можно не только держать в аквариуме, но и пересылать по почте, обернув во влажные водоросли.

Дикобразом подводного царства слывет морской еж. Его невозможно взять в руки, чтобы не уколоться. Длинные острые иглы так хитро крепятся к телу, что поворачиваются, словно на шарнирах. Горе тому, кто нечаянно наступит на них. Это не только больно, но и опасно. У некоторых ежей иглы покрыты слизью, в которой нашли себе убежище гнилостные бактерии. Но таких ежей

встретишь не часто. Гораздо больше безобидных. Они живут и в наших морях. Смело берите их в руки!

Вооруженный иглами, защищенный панцирем, словно броней, еж с помощью ног — особых образований, снабженных присоской, — передвигается с места на место, ползет по отвесным скалам, присасывается к камням. А если иглы морского ежа в несколько раз превышают диаметр его тела, он ходит на них, как на ходулях. Шагая на своих длинных иглах, некоторые ежи проходят за минуту 150—200 сантиметров, в то время как другие на ножках продвинутся за минуту лишь на 4 сантиметра. Вообще-то ежи двигаются мало, и потому на их иглах часто селятся моллюски, усоногие раки и другие морские обитатели.

Но как ни хорошо защищен еж, и он может стать добычей крабов, морских звезд, крупных рыб. Любят ежей морские выдры — каланы, песцы и птицы. Поймав ежа, калан плывет с ним на спине, держа его на груди, а затем разгрызает. Птицы разбивают ежей о камни, бросая их с высоты.

Морских ежей любят жители средиземноморского побережья, Америки, Новой Зеландии. Они едят их икру сырую, жареную и соленую. В одном Средиземном море добывают в год около 10 миллионов ежей!

Излюбленные места обитания морских ежей — скалы, коралловые рифы, камни. Иногда их там собирается так много, что они соприкасаются друг с другом иглами.

А вот на литорали, прибойной полосе Индийского и Тихого океанов, нашел себе приют морской еж гетероцентротус. (Фото 5.) Его толстые и грубые иглы снабжены зубцами, которые помогают ему рыть пещерки в коралловых рифах. Часто эти пещерки так малы, что еж едва в них поворачивается, а иногда, когда подрастет, оказывается замурованным на всю жизнь и питается лишь тем, что принесет ему морской прибой. У некоторых ежей иглы такие твердые, что они могут ими сверлить даже стальные сваи.

Морские ежи — «старички». Они жили уже 500 миллионов лет назад, когда в морях еще не было рыб, а на суше — наземных растений.

Немного моложе ежей — морские звезды. Их возраст 400 миллионов лет. Словно драгоценные камни, разбросал их царь Нептун по своим владениям. Они то ползают по дну, разыскивая добычу — моллюсков, ракообразных и даже иглокожих, то закапываются в песок или ил.

Вот по мелководью Тихого или Индийского океана ползет ярко-синяя звезда с пятью длинными лучами. Это линкия. Уж очень интересно размножается она. Только линкия и ее близкие родственники обладают способностью аутотомировать: самопроизвольно обламывать свои лучи. Отделившийся отросток еще в течение трех-четырех часов будет соединен с материнским телом мягкими тканями и кожей. А затем оторвется и начнет самостоятельную жизнь. Пройдет время — и перед нами уже новая звезда. (Фото 7.)

Но и «мать» ее не осталась инвалидом. Вместо оторванного луча у нее вырастает новый.

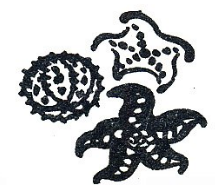
Необычной формой, яркой раскраской привлекают исследователей турбеллярии. Глядя на них, никогда не подумаешь, что это ресничные черви: в такой великолепный наряд одела их природа. (Фото 4.)

Но иногда причудливый вид и яркое платье подводных обитателей лишь маскировка.

Однажды у берегов Австралии один водолаз был очарован необыкновенной расцветкой осьминога, которого вы видите на фотографии 6. Все его тело было покрыто сине-пурпурными кольцами. А когда осьминог волновался, узор становился переливчатым. Привлеченный этим необыкновенным зрелищем, водолаз взял осьминога в руки. Но не всегда это безопасно. Железы некоторых осьминогов выделяют яд, который опасен не только для других животных, но и для человека, если попадает в кровь.

Что поделаешь, спасаясь от врагов, не всегда приходится быть гостеприимным.

7

Волки Африки

Гремят выстрелы в кенийских заповедниках. Браконьеры? Нет. Это егери отстреливают гиеновых собак. С щенячьим визгом падают они на землю, пораженные пулями. Другие, избежавшие расправы, становятся жертвами отравленных приманок, капканов, ловушек.

Заслуживают ли эти животные такой участи?

Гиеновая собака — волк Африки! Не видом, а повадками, умом, организацией облавных охот и дисциплиной стай, в которых бывает и сорок и шестьдесят псов, напоминает она волков.

Но внешне, особенно тупой мордой и большими округленными ушами, эти собаки немного похожи на гиен. Но только внешне: нрав у них невероятно живой. Они очень резвы, игривы, постоянно в движении — энергии явный избыток.

А вот пальцев на передних лапах не пять, как у всех в семье собачьих, а четыре. Наверное, чтобы быстрее бегать: ведь чем меньше пальцев, тем резвее ноги. А ноги у трехколерных — черно-бело-желтых — гиеновых псов резвые чрезвычайно. Загнать любую зебру, антилопу для них нетрудное и приятное удовольствие. Облаву они организуют по всем правилам: сначала окружают стадо гну или газелей, затем кидаются разом. Когда цепь свирепых загонщиков прорвана, они с ликующими воплями пускаются в погоню. Шум, гам, пыль — мчатся дикие псы, что твои борзые, словно распластавшись по земле. Но не как попало, а со смыслом: одни прямо за стадом,

другие ему наперерез. Уставших сменяют те, которые сберегли силы. На расстояние в десять километров они могут бежать со скоростью пятьдесят километров в час. Редко кто в саванне спасается от них бегством. Иные антилопы пытались спастись в деревнях среди людей. Но волков Африки нелегко испугать: люди кричали, бросали в них камнями, а те тут же на глазах рвали загнанного зверя на части.

Разделавшись с добычей, собаки торопясь стараются съесть как можно больше. Они не оставляют ни кусочка. Если же собака переест, то при первой же возможности отрыгнет излишки пищи опоздавшим собакам, детенышам или их нянькам. Обмен пищей так широко распространен у гиеновых диких собак, что нередко она побывает в желудке нескольких животных, пока будет, наконец, переварена. Каждая голодная собака смело и уверенно отбирает у сытого животного полупереваренный корм.

В полуденную жару собаки обычно не охотятся — спят, играют. Вечером же, когда прохладнее, а чаще ранним утром трусят рысцой, опустив к земле тупые морды и навострив уши. Вынюхивают, прислушиваются чутко. Тут лучше не попадаться ни малой газели, ни большой антилопе, будь это даже канна с острыми и длинными рогами, на которую не всякий лев отважится напасть. Да и сам царь зверей, если псы эти очень голодны, предпочитает уйти с их пути, а то и разорвут, особенно если он стар или слишком молод.

Это единственные дикие собаки с пятнистой окраской: черно-желто-белой. Кончик хвоста у них белый, он служит сигнальным знаком во время охоты в высоких травах. Обитают гиеновые собаки в основном в степных равнинах, но иногда поднимаются на склоны гор. Небольшую их стаю видели даже на Килиманджаро — высочайшей горе Африки, вскинувшей свою вершину больше чем на шесть с половиной километров.

Недавно два зоолога, Бернард Гржимек и Джордж Шаллер, вернулись из Африки и привезли много любопытных сведений о гиеновых собаках.

«Странные, зловещие создания — эти гиеновые собаки с огромными ушами, — рассказывает Б. Гржимек. — Они не побоялись как-то напасть даже на бегемота, прыгали гиганту на грудь, и тот был радрадешенек, когда наблюдавший эту сцену человек отвлек разбойников выстрелом. Бегемоту удалось добежать до воды. Сразу вслед за этим отчаянная свора псов окружила двух слонов, и те боязливо попятились, подняв кверху хоботы».

Таких бы храбрецов приручить на пользу человеку! Кстати, приручаются гиеновые собаки легко, хозяина любят, прыгают, как безумные, когда увидят его, и щебечут — иначе и не назовешь их приветственное ворчанье. Но и ручные псы не могут устоять перед искушением разорвать курицу или цапнуть соседа либо гостя за ногу. Да и пахнет от них невыносимо. «Оказывается, вонь, — говорит Б. Гржимек, — тоже хорошее средство сохранить свою свободу».

Он видел в Серенгети, как стая гиеновых собак — 14 взрослых и 9 молодых псов — трусила по степи. Внезапно оба вожака стаи остановились как вкопанные и уставились на стадо из 40 гну. Вожаки вышли вперед метров на двести и не спеша с безразличным видом побрели к стаду. Стая так же не спеша тронулась за ними. Тут здоровенная и, наверное, глупая гиена чуть было не испортила им все удовольствие от охоты. Она выскочила откуда-то сбоку и изо всех сил старалась удрать подальше. Но удрать ей, конечно, не удалось: один вожак бросился за ней, быстро догнал, схватил за заднюю ногу и опрокинул. Гиена завизжала, как испуганный поросенок, но не огрызнулась, пес укусил ее раза два в назидание за глупость и опять потрусил к стаду ничего не подозревавших пока гну.

Как только два возглавивших охотничью операцию пса подошли к антилопам метров на четыреста, они вдруг в стремительном беге кинулись прямо к ним. Гну их заметили и бросились врассыпную. Густая пыль закрыла на время сцену действия. Когда пыль рассеялась, глазам предстала неожиданная картина — антилопы не убежали, а разделились на четыре небольшие группы и стояли плотными кругами рогами наружу, защищая сбившийся посередине молодняк. Гиеновые собаки тоже разделились. Но каждая их попытка прорвать сомкнутый круг терпела неудачу — всюду их встречали низко опущенные острые рога.

И тут люди увидели, как горько поплатился за свое непослушание один теленок. Он нарушил твердое правило, которое должен знать каждый детеныш: непослушание, когда столько врагов кругом, равноценно самоубийству! Капризный и беспокойный теленок выскочил из плотного кольца обороняющихся антилоп. И в мгновение все собаки кинулись к нему и разорвали его. Получив свою дань, псы больше антилопами не интересовались, и те разбрелись по степи.

И хотя эта дань, которую гиеновые собаки берут со всего живого, порой и велика, хотя и завывания и тявканье рыщущих стай этих псов повергают в панику и поспешное бегство всех копытных в степи, а грифы и стервятники, уверенные в успехе охоты, заранее кружат над местом действия трагедии, польза, которую волки саванны приносят ее копытному населению, немалая. Гиеновые собаки, уничтожая в первую очередь больных, слабых животных, играют важную роль в равновесии сил природы, в балансировании ее ресурсов и отборе самых приспособленных. Поэтому в Национальном парке Серенгети разрабатываются меры по охране гиеновых собак от чрезмерного уничтожения, которое им грозит.

Джордж Шаллер, месяцами следуя по пятам за гиеновыми собаками, узнал много нового, интересного и неожиданного об их жизни и нравах.

В стаях гиеновых собак строгая иерархия и дисциплина. И даже разделение труда! Одни охотятся, другие караулят щенят. После удачного загона охотники спешат к щенкам, малые вылезают из нор. И тогда большие псы, склонив к ним головы, исторгают из глоток мясо, которое принесли в желудках.

Через две недели малыши начинают есть мясо, но молоко сосут еще три месяца. Когда подрастут и смогут добраться до ближайшего водопоя, отказываются совсем от молока. Тогда, выйдя из норы, они больше в нее уже не возвращаются. Следуют всюду за стаей — начинается охотничья жизнь.

Для псов-нянек, которые караулят у нор маленьких щенков, всегда оставлена недоеденная туша загнанного зверя. И те, сдав дежурство, сейчас же спешат к ней, пока грифы все не разорвали. За малышами ухаживают любые члены стаи. Поэтому, если у щенков погибнет мать, они все равно будут накормлены и выхожены. Когда в дикой саванне встретятся два разных и, казалось бы, конкурирующих охотничьих отряда, дружелюбию их нет предела. Псы прыгают, нюхают друг друга, играют, смешавшись в общем радостном веселье. И расстаются без ссор и грызни. «Больше того, однажды у горы Меру, — рассказывает Б. Гржимек, — свора охотничьих собак повстречалась со стаей диких гиеновых. Все обошлось так же мирно и спокойно».

Если кто из псов на охоте отстанет и потеряется, он зовет друзей, и те его не оставят. Услышав тревожный зов, вся братия мчится к заблудившемуся товарищу без промедления.

Родич гиеновых собак — колсун, красный волк, по-индийски дхоле, выступает в той же примерно роли на арене жизни диких дебрей Азии, что и гиеновые собаки в Африке. Только арена эта не степи, а леса, преимущественно горные. А сам деятель похож на некрупного волка. Красно-вато-бурый или рыже-красный, уши у него хоть и больше волчьих, но не такие разлапистые, как у гиеновой собаки. Именно этих волков, как всесокрушающую грозную лавину, атаковавшую джунгли, изобразил Киплинг в своей книге «Маугли».

В этом смысле против истины он немного погрешил: красные волки, объединившись несколькими семьями, довольно быстро опустошают округу. Они постоянно в движении и проходят в охотничьих походах огромные расстояния по лесам и горам Тибета, Суматры, Явы. Козлы, бараны, олени, даже дикие и бесстрашные быки гауры и бантенги, которых и тигры без особой нужды избегают беспокоить, бегут от них в панике. Быки обороняются от красных волков, встав кругом, как гну. Говорят, и тигру плохо придется, если встретит он стаю красных волков там, где нет поблизости дерева, на которое он успел бы быстро залезть. А медведь черный, гималайский, который и тигра может неплохо отколотить, как почует, поведя носом по ветру, — дхоле пахнет! — спешит, не думая о престиже, уйти подальше. А если дух слишком силен — скорее на дерево. Нет зверя, кроме слона, который под яростным натиском красных волков сумел бы устоять в одиночку.

В СССР красные волки редко, но встречаются на Восточном Памире, Тянь-Шане, Алтае, в Саянах, в горах южного Предбайкалья и Забайкалья. На южных склонах Станового и Яблонового хребтов их больше.

И. АКИМУШКИН

Сегодня со своими произведениями на конкурсе выступает Лена Будовская. Ей 13 лет. Живет Лена в горняцком городе Макеевке, занимается в изостудии при Дворце культуры завода имени С. М. Кирова.

Лена очень любит животных и большинство своих гравюр посвящает им. Одними из лучших считает она литогравюры «Рыбки» и «Мой Рекс».

Недавно Лена увлеклась вырезкой аппликацией. Немного фантазии — и кусочки разноцветной бумаги превращаются в красочную картину. Одну из них, ту, что вы видите слева, Лена назвала «Лисичка-сестричка».

ДЫННЫЙ ДУХ

С конца лета на наших среднеазиатских базарах безраздельно господствует дынный дух. Идеально круглые, продолговатые или овальные, всевозможных оттенков желтого, зеленого, оранжевого, белого, коричневого цветов дыни встречаются на каждом шагу, нередко образуя на земле целые пирамиды. А уж о дынном аромате и говорить нечего: он не дает покоя еще издалека.

Одно из первых мест принадлежит несравненной чарджоуской дыне, пользующейся и до сих пор славой «первой в мире». Темно-зеленые, овально вытянутые ее плоды, с трудом отрывающиеся от растения, сначала не производят большого впечатления. После созревания их мякоть еще остается очень плотной, малосочной и недостаточно сладкой. Только полежав несколько суток, чарджоуская дыня набирает полную силу. Правда, ее хранение лишь условно может быть названо лежкой, так как обычно дыни этого сорта выдерживают, подвесив их к потолку. Висеть они способны всю долгую зиму, поэтому их и зовут зимовками. Каждый, кто попробует ароматную мякоть повисевших зимовок, обязательно скажет: «Необычайно вкусно!»

Советским селекционерам удалось вывести и превосходные северные сорта дынь, с каждым годом все больше обживающие наши колхозные поля. Особенно велика тут заслуга селекционеров Грибовской опытной станции овощеводства, создавших хорошие сорта как для Подмосковья, так и для более северных районов.

Не отстают от ученых и завзятые любители дынного промысла. Недавно, например, распространилась весть об одном из необычайных энтузиастов села Нижняя Пеша Архангельской области. Она-то и собрала у скромного дома аксакала Насреддинова чуть не все население тундры. Больше всего радости, конечно, выпало на долю виновника события. Счастливый селекционер, сияя от счастья, торжественно раздавал по ломтику... пахучей янтарной дыни гуляби всем съехавшимся посмотреть это настоящее арктическое чудо. Охотно делился мичуринец не только дыней, впервые выращенной за Полярным кругом, но и своими секретами. Несколько лет назад он переселился из солнечного Узбекистана на север, хорошо обжился в новом краю, но тосковал по привычной с детства душистой, янтарной дыне. Можно было бы отвести душу во время отпуска, съездив на родину, но настойчивый Насреддинов решил вырастить узбекскую дыню возле своего нового дома, прямо в неприветливой тундре. Задумано — сделано. Попросил прислать из родных мест семена, пригляделе подходящий огород, а остальное, по его словам, дело лишь времени. И вот селекционер-любитель угощает всех тем сортом дыни, который в былые времена был доступен лишь именитой знати. Говорят, бухарский эмир с гордостью посылал ее в дар лишь наиболее высоким и почитаемым властелинам-соседям. Ну, а теперь полярная чудо-дыня наполняла сказочным ароматом и двор садовода-труженика и почти все село.

Ученые-ботаники уверены, что можно вырастить в нашей стране и другую чудо-дыню — дынное дерево. Не подумайте, что для этого им нужно переделывать плетистые побеги наших дынь в стволы деревьев: дынное дерево уже давно создано природой, хотя от этого задача, стоящая перед ботаниками, ничуть не становится проще. Обычные дыни, или, точнее, их культурные виды и сорта, в основном происходят из Средней Азии, хотя, по предположению некоторых специалистов, дикие предки дыни ведут свой род из тропических районов Африки и Азии. Наши душистые дыни и дынное дерево климатически весьма близки, но в остальном их может объединять разве что сходство внешнего вида да еще общность... названия.

Папайя, так зовут дынное дерево, пожалуй, еще больше ценится за содержащийся в ее плодах фермент папаин, близкий к ферментам желудочного сока. Папаин улучшает пищеварение, успешно используется при лечении язвы и других желудочных и кишечных заболеваний. Он хорошо размягчает сырое мясо, расщепляет белки. Достаточно несколько капель сока папайи добавить в бульон, и самое жесткое мясо станет удивительно мягким. Папаин растворяет отмершие клетки и способствует росту живых тканей.

Народная медицина отмечает, что плоды дынного дерева быстро восстанавливают силу истощенных болезнью или сильно переутомленных людей. Наконец, листья, кора, оболочка зеленого плода папайи, сердцевина ее стебля содержат много других полезных веществ. Не только в медицине, но и в технике, в промышленности, в быту известно около ста препаратов и полуфабрикатов, изготовленных из папайи. Однако главную ценность представляют, разумеется, сами плоды дыни. Из них приготовляют приятные целебные напитки, бодрящие маринады, вкусные джемы.

Дынное дерево очень теплолюбиво. Можно поэтому себе представить, сколь сложная задача встала перед ботаниками Гагринского опорного пункта Главного ботанического сада Академии наук СССР, когда они решили освоить культуру папайи на Черноморском побережье Кавказа.

У них, правда, был смелый и настойчивый предшественник. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции на Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции ботаник В. Маркевич предпринял первую попытку. Получив рассаду дынного дерева из Петербургского ботанического сада, он успешно растил молодые деревца, хотя плодов получить ему так и не удалось.

Советские ботаники пошли намного дальше. В их оранжереях папайя исправно плодоносит. Только с одного деревца за год удается собрать урожай целебных дынь общим весом около тридцати килограммов.

Но в последние годы ученые настойчиво стремятся вырастить дынное дерево в открытом грунте: в январе — феврале они высевают семена папайи в оранжерее, а с наступлением устойчивого тепла (май — июнь) приучают молодое растеньице к нашему курортному климату. Оказывается, он для дынного переселенца даже благотворней, чем атмосфера оранжерей. В черноморском крае деревца растут на открытом воздухе успешнее, чем под стеклом, достигая к осени полутораметровой высоты (рекордной для наших условий). Папайи у нас цветут хорошо, завязывают и наливают плоды, которые к осени весят около 150 граммов.

— Не хватает месяца-двух хорошей погоды, — говорят удрученно специалисты.

— А может быть, заставить папайю жить быстрее? — мечтают другие.

Третьи советуют привезти из Южной Калифорнии семена наиболее холодостойкого вида. Его можно будет использовать для гибридизации и выведения более выносливых форм дынного дерева.

— Не беда, что плоды мелкие, — говорят ботаники.

— Только бы рос, а плоды переделаем! — поддерживают их селекционеры.

Словом, берется на вооружение весь арсенал достижений советской и мировой ботанической науки. Идет трудный, но настойчивый и интересный творческий поиск. Мы убеждены, что не за горами и победы.

С. ИВЧЕНКО

— Глубокоуважаемые друзья мои Почемучки!

Позвольте мне сегодня открыть предпоследнее в этом году заседание нашего Клуба. Ровно через месяц на заседании встретятся самые любознательные, наблюдательные, находчивые. А сегодня... Я должен прервать свою речь — кажется, кто-то заглядывает на наши странички.

А-а-а, это вы, любезнейший Хоттабыч? Смелее, смелее, друг мой. Пристраивайтесь в уголке страницы и постарайтесь вспомнить что-нибудь увиденное вами на дне морском.

— О ибн Почемучка, барон, как там еще твое имя, я покинул свой старый сосуд, чтобы уши мои усладились сказками многих Тань, Саш, Коль, Дим и Жень. Но, горе мне, я, кажется, поторопился: ты сказал, они будут говорить через месяц?

— Не отчаивайтесь, дорогой, и наберитесь терпения, как всякий Почемучка. Итак, ровно через месяц... Прошу простить меня, я снова должен остановиться. Неужели мне почудилось? И вы здесь, знаменитый Гулливер?

— О, меня случайно забросило на ваши страницы. Я прислушался к тому, что вы сказали, барон, и, похоже, начинаю серьезно сожалеть о том, что не имел чести быть приглашенным на заседание этого юного общества. Как вы, очевидно, помните из моей книжки, я отчаянный путешественник и весьма любопытный человек.

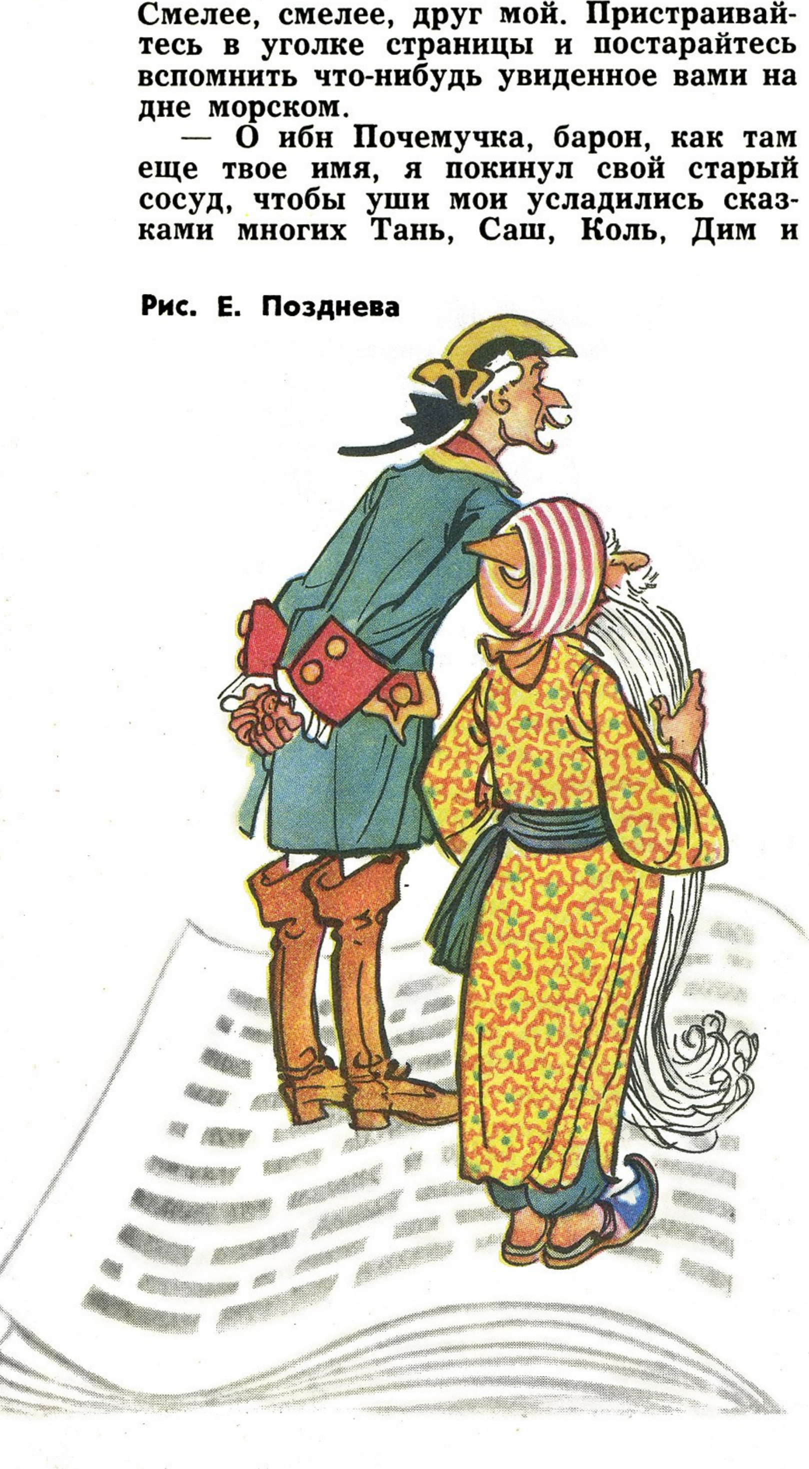
— В таком случае не будете ли вы любезны удивить Почемучек каким-либо редким сообщением. Не скромничайте, друг мой.

— Зачем ложная скромность? У меня таких приключений тысячи. Все вы помните, как в ту памятную темную ночь страшная буря погнала «Антилопу» на острую скалу, точнее, все мы думали, что это скала. Но, поверьте, мне показалось, что к нам приближается морской... призрак!..

— Клянусь своей бородой, я тоже видел в море что-то такое, от чего застыла кровь в моих жилах. Продолжай, великан среди лилипутов, продолжай!

— Прошу прощения, я увлекся и забыл. Кажется, у собрания юных путешественников есть закон — только то чудо, которое без чудес. И я уступаю место Д. Я. Давидову. Несколько минут вашего внимания, и чудо перестанет быть чудом. В этом и есть самое удивительное.

Рис. Е. Позднева

Бродячие корабли

Морские суда, покинутые своими командами и оставленные на милость ветров и океанских течений, иногда месяцами, а то и годами блуждают по морям, пока их не поглотит пучина. Не раз эти бродяги океанов становились источником занимательных морских повестей и легенд, от которых, как говорят, «стынет кровь». Извилистый путь их плавания остался во многих случаях неизвестным, но конечные пункты этих необычайных рейсов подтверждены многими очевидцами.

Обратимся к фактам. Начнем с парусного судна «Силикос».

В 1848 году этот парусник во время мощного тайфуна в Тихом океане получил большие повреждения. Опасаясь, что судно затонет, команда оставила его.

Однако «Силикос» сохранил плавучесть. Шли годы, а судно продолжало дрейфовать в океане. Каждый раз на встречных кораблях суеверные моряки бросались к спасательным шлюпкам в страхе, что их корабль вот-вот будет протаранен призраком. Так бродяжничал «Силикос», пока однажды не оказался на пути американского парохода. Произошло столкновение. Парусник был разрезан надвое и затонул.

Может показаться неправдоподобным рассказ капитана парусного фрегата «Уайэр Г. Сарджент», однако он подтверждается рядом заслуживающих доверия источников. Капитан и команда оставили судно в Атлантическом океане. Причиной тому был вспыхнувший на фрегате пожар. Через восемнадцать месяцев после катастрофы капитан, будучи уже на другом судне, вновь увидел фрегат. Встреча произошла в Средиземном море, примерно в 6000 миль от места, где был покинут парусник.

Это было, пожалуй, единственное в истории мореплавания судно, которое без экипажа прошло через Гибралтарский пролив.

Совершенно необычайное по продолжительности плавание совершил английский океанский парусник, зажатый во льдах. Вот эта история.

Во время промысла в водах Антарктики китобойное судно «Надежда» неожиданно наткнулось на обледенелый парусный корабль, который дрейфовал, подгоняемый ветром. С китобойца спустили шлюпку, и капитан с тремя матросами направился на ней к загадочному паруснику. С трудом взобрались на палубу. В помещении нашли замерзших людей.

О происшедшей на паруснике трагедии свидетельствовала обнаруженная в одной из кают запись:

«Январь 17, 1823 года. Пошел семьдесят третий день с тех пор, как мы оказались во льдах. Вчера погас огонь. Все попытки снова зажечь его оказались безуспешными. Надежды на спасение нет...»

Впоследствии по судовому журналу и материалам, сохранившимся в Англии, установили, что парусный корабль назывался «Дженни». В течение 17 лет со дня последней сделанной на нем записи парусник дрейфовал вместе с антарктическими льдами. Что касается обстоятельств, приведших к катастрофе и ги-

бели его экипажа, они так и остались загадкой.

Дрейфы неуправляемых судов и изучение трасс их плавания могут дать ценные для мореплавателей сведения о течениях, господствующих в Мировом океане.

— Признайтесь, друзья мои, все-таки наш Клуб это тоже удивительное и совсем рядом. Прямо в руках. Уже давно осенний дождь вовсю барабанит в окно, дует холодный ветер. И не правда ли, мамы (они ведь все одинаковые) строго-настрого наказали не промочить ноги и сидеть дома до сухой погоды. А путешественнику, мало того — Почемучке, все любопытно. И в осеннюю непогоду еще нетерпеливей ждешь, когда же откроешь знакомые странички.

За окном дождь и ветер. А мы сейчас среди цветущих трав. Нас повел в летний день Борис Алексеевич Александров.

Тайна наперстянки

Она была уже дряхла, а к ее дому на окраине Лондона продолжали стекаться толпы больных. Слава о чудесной знахарке и ее травах разошлась по многим графствам. Особенно хорошо лечила она болезни сердца, водянку.

И вот старухи не стало. Наследников у нее не нашлось. Да и кому нужны были сухие пучки трав, медные ступки да склянки с мутной водой?..

Но уже на следующее утро соседи знахарки были немало удивлены. Перед скромным домиком остановился экипаж, и два почтенных господина поспешно прошли внутрь. Это были местный шериф и врач Уайзеринг.

Вскоре в руках врача оказались какие-то листки. Руки его дрожали, на лбу выступил пот. Еще бы! Он держал в руках сокровенный рецепт знахарки! Это был способ приготовления настойки из наперстянки и правила ее применения.

Еще в XI веке наперстянку с успехом применяли в Англии от водянки. Однако чем она больше распространялась, тем сильнее росло число отравившихся. Растение оказалось очень капризным. То оно отлично помогало, то наносило тяжкий вред больному.

И последовало строгое запрещение. Наперстянку не разрешали собирать, продавать в аптеках и использовать для лечения. Но люди забывчивы. И к концу XVIII века, во времена Уайзеринга, наперстянка опять вошла в моду.

Врач Уайзеринг пришел к твердому убеждению: наперстянка — чудесный исцелитель.

Теперь нет ни одного врача в мире, который бы не знал об этом чудесном лекарственном растении.

Цветущая наперстянка очень красива. На зеленой стрелке словно кто-то развесил красные наперстки.

На Северном Кавказе и Украине целые поля занимают под это растение. Здесь его выращивают не ради красивых цветов. Из листьев красной или пурпурной наперстянки вырабатывают препараты, которые хорошо помогают людям с больным сердцем.

Наперстянка шерстистая встречается в Молдавии. Ее заросли невелики. Из нее получаются очень хорошие препараты. Поэтому это растение также начали выращивать на полях. Оно довольно зимостойко, и его можно выращивать и в средней полосе. В средней полосе, в горах Кавказа и Урала растет крупноцветковая наперстянка с желтыми цветками.

— А на улице все холодней становится. Я давно уже вынул свой теплый камзол и собираюсь в лес за ягодой. Да, да, я не перепутал времена года. Именно зимой я отправлюсь в лес и, уверяю вас, принесу полное лукошко необыкновенно вкусного лакомства.

Кто со мной? То-то же. Только, прежде чем мы двинемся в путь, прошу вас внимательно прислушаться к тому, что нам расскажет Борис Алексеевич Тимофеев.

Обыкновенная...

Когда растение находится рядом, под боком, то оно, значит, «обыкновенное»: обыкновенная сосна, обыкновенная рябина, обыкновенный шиповник, обыкновенная черемуха, обыкновенный щавель, обыкновенная калина. О ней-то и пойдет речь. Растет наша калина по самым обычным местам: в хвойных и смешанных лесах, по заросшим берегам рек и озер, легко приживается там, где ее посадит человек.

В начале лета невысокий кустарник усыпан красивыми кружевными щитками соцветий. К августу вместо них висят ярко-красные пучки, увы, совсем несъедобных плодов.

Но вот зазвенели под ногами первые стекляшки льда, засеребрились колючим инеем тонкие ветки деревьев, опавшая листва, поникшие жухлые травинки. Цепенеет перед зимней стужей опустевший лес. Нет здесь сейчас ни еды, ни дома под каждым кустом. Разве что клюква на болоте осталась да алеют еще огоньки сморщившейся рябины, которую не успели разграбить крикливые дрозды-рябинники, компанейские свиристели, неторопливые солидные снегири и другие птицы-ягодницы.

Неужели нечем больше полакомиться в лесу? Есть!.. Есть еще та самая обыкновенная калина, которая все лето простояла гордой и красивой, да и только. Ягода жесткая, в рот возьмешь — хина! Разве что в букет поставить.

Первые заморозки творят чудеса — ягоды калины наливаются, становятся душистыми и уже не такими горькими на вкус. Теперь можно пробовать калину. Особенно хороша она в простых деревенских пирогах. Испеченная ягода окончательно теряет горечь и приобретает своеобразный приятный вкус.

— Друзья мои, я совсем забыл о крайне важном задании... О, я старый осел... Простите, я оговорился. Осел ни в коем случае не заслуживает такой репутации. Послушайте.

Ложная репутация

О глупом человеке говорят, что он такой же безнадежный тупица, как осел; о злом, что он так же зол, как рыжий осел; о лицемере, что он так же неискренен, как упрямый осел. Даже когда осел полезен, с ним обращаются кое-как, нагружают тяжестями, плохо кормят, отводят самый холодный угол в конюшне.

И все потому, что забывают: осел — самый преданный и стойкий работник. Он воздержан, как верблюд, вынослив, как лошадь, терпелив, как вол, и крепко стоит на ногах, как мул.

Его сила необычайна. Утверждают, что осел в состоянии нести ношу, равную его собственному весу. Если это и преувеличение, то больше половины своего веса он несет легко.

На гористых дорогах Греции осел незаменим как вьючное животное. Он идет медленно, но не уставая. Небольшая передышка, клочок сена, горсть ячменя, глоток воды — и снова в путь, километров десять-двенадцать. Постепенно улучшая породу, человек вывел отличных лошадей. А если бы так же заботились об улучшении породы осла?

— А теперь извольте получить задание.

Вы, конечно, всегда ждете их с нетерпением. Вполне оправдываю ваше желание больше узнать, увидеть, найти. Каждое, пусть даже самое маленькое, открытие приносит столько радости, придает новые силы к дальнейшим поискам еще неизвестного!

Странные муравьи

Наши сельскохозяйственные животные сильно страдают от ланцетовидной двуустки, которая опасна и для человека. Поселяется этот паразит в печени, а его личинки могут жить только в теле муравьев. Коровы и овцы, поедая на пастбищах зараженных муравьев, заражаются сами. Но как это происходит, почему такие юркие насекомые, какими являются муравьи, позволяют себя съесть, ученые долгое время не могли разгадать.

Недавно ученым удалось разгадать эту загадку. Оказалось, что зараженные церкариями (так называются личинки двуустки на одной из стадий развития) муравьи ведут себя довольно странно. Пока температура воздуха достаточно высока, зараженных муравьев трудно отличить от нормальных. Они бегают по заветным дорожкам, тащат в муравейник корм, строительный материал, принимают участие во всех общественных работах. Но как только наступает вечер и температура понижается, муравьи — носители церкариев забираются на верхушки растений, цепляются за них челюстями, да так крепко, что оторвать их бывает нелегко, и замирают до следующего утра, пока солнце вновь не согреет землю. Вот этих оцепеневших муравьев и поедает скот. Чем холоднее погода, тем дольше стадия оцепенения и тем больше вероятность заражения скота.

Сделанное учеными открытие имеет очень важное значение. Ведь раньше, чтобы определить, заражен ли муравей, приходилось у каждого препарировать желудок, изготовлять из него препарат и рассматривать его под микроскопом. С такой работой могли справиться только специалисты.

А теперь отделить зараженных муравьев от здоровых легко. Это под силу и вам, ребята. Если в вашем селе скот заражается ланцетовидной двуусткой, соберите с разных участков пастбища муравьев. Только договоримся сразу: муравейники разрушать не будем, а то вместо пользы принесем пастбищам неисчислимый вред. Собранных муравьев по 100—200 насекомых посадите в большие стеклянные банки, литровые, а еще лучше трехлитровые. Туда же положите пучок длинных травинок и записку с указанием места, где собраны муравьи. Затем банки плотно завяжите марлей. Как только наступит вечер, вынесите банки на улицу и через 1—2 часа тщательно осмотрите. Если там окажутся оцепеневшие муравьи, крепко вцепившиеся в травинки, значит, они заражены.

Пометьте на плане земельных угодий опасные пастбища и передайте его животноводам. На зараженных пастбищах пасти скот в прохладную погоду, рано утром и поздно вечером нельзя. В жаркое же время дня пастбища безопасны. Не опасно и сено, собранное на этих участках.

— Кто не любит сказки? Спросите об этом кого угодно, только не меня. На этот вопрос я дам лишь единственный ответ: сказки готовы слушать все, ибо в каждой сказке есть мудрость.

Именно поэтому я был несказанно рад, когда на одном из заседаний Клуба (это было в тот раз, когда я отправился в далекое путешествие) Почемучки получили задание: придумать свои сказки.

Напоминаю вам: я жду ваших сказок, чтобы рассказать их всем.

А пока послушайте сказку, которую прислал зоолог Всеволод Дмитриевич Яхонтов.

Тетерев-хвастун

Нанайская сказка

Как вспомнил тетерев Поро, что зимой опять придется ночевать в снегу, есть мерзлые, надоевшие почки тальника и выслушивать недовольное бормотание соседей, так и взгрустнулось ему.

«Лучше полечу я на юг, как это делают остальные птицы», — решил он. И обратился неулыба-ворчун к красавцам лебедям, чтобы они взяли его с собой в теплые страны. Ведь дороги-то тетерев не знал. Конечно, черномазый косач будет портить вид белоснежной лебединой стаи. Но сердобольные лебеди согласились взять тетерева с собой. И они полетели.

Тетерев привык поближе к земле держаться и никогда так далеко, так высоко и так подолгу не летал. Его крылья не могли равняться с мощными крыльями лебедей, и он вскоре выбился из сил, стал отставать. Тогда товарищи — лебеди не бросили его в беде и начали поочередно сажать себе на спину. Так они продолжали путь. Встречные птицы, завидев такую забавную картину, подолгу хохотали. На весь лес разнеслась басня о том, как черный, сжавшийся от страха в комок чванный тетерев примостился на спине лебедя.

Но в конце концов тетерев все-таки не вытерпел тяжести пути и попросил лебедей опустить его на землю.

— Хватит, полетал! Вернусь домой, не надо мне ваших теплых стран! — заявил он.

В память об этом событии добрые лебеди подарили ему на прощанье каждый по белому перышку, и тетерев торжественно прицепил их себе на хвост.

Так и остался зимовать косач Поро. Вспоминая этот героический перелет, задавака лесной петух важно распускает свой лирообразный хвост и демонстрирует перед изумленными слушателями белый подбой из лебединых перьев. И чуфыкает.

— А теперь прочитайте коротенький рассказ Владимира Корочанцева о медовых домиках.

Медовые домики

Мы только что отъехали от деревни Уолесебугу, что по дороге в Бамако-Бугуни, как наше внимание привлекли какие-то продолговатые предметы, проглядывающие сквозь густую крону деревьев. Это были ульи для диких пчел, сделанные местными жителями.

Малийцы — впрочем, как и все африканцы — внимательно изучают природу. Раньше, когда в малийской деревне не было школ для подростков, существовали своеобразные занятия. На них мудрые старики передавали молодым собственный жизненный опыт. Они рассказывали им, как надо охотиться, спасаться от змеиных укусов и других опасностей, подстерегающих человека в саванне. Успешно выдержавший экзамен, часто практический, получал право называться мужчиной. Ныне один из законов малийских ребят гласит: «Любить, знать и охранять природу».

Домики, которые мы увидели на деревьях, — это тоже своего рода применение на практике науки предков. Малийские крестьяне делают из дерева (часто коры или соломы) продолговатые, чем-то напоминающие бочку ульи и закрепляют их среди ветвей деревьев. Пчелы за столь трогательную заботу людей отвечают взаимностью, наполняя ульи душистым медом, собранным с диких цветов саванны.

— А вот вам и ответ на вопрос, почему одни грибы часто бывают червивыми, а другие — нет.

«Любуешься своей находкой, а на душе неспокойно... Разрезаешь и бросаешь на землю. Добыча, оказывается, не твоя. Еще раньше тебя нашли тот гриб противные лесные мухи и сделали его своей добычей, отложили яички, из которых и развелись теперь еще более противные лесные черви». Так пишет Владимир Солоухин в своей повести о грибах «Третья охота».

На самом деле эти «противные лесные мухи» — мелкие комарики из особого семейства комаров. Их личинки и отравляют радость любителей-грибников.

Этим нежным крохотным личинкам гораздо легче развиваться в рыхлых тканях таких грибов, как подберезовик, подосиновик, в белых грибах и в сыроежках, чем, например, в плотном теле крепкого молодого груздя или рыжика. Особенно выделяются среди других грибов лисички. Они плотные, словно резиновые, и не гниют. Может быть, насекомых отпугивает содержащийся в этих грибах антибиотик аргостерин? Правда, В. Солоухин пишет, что один читатель из города Волжска сообщил о встрече с червивыми лисичками. Может быть, Почемучки тоже видели такое?

— И, как всегда, вопрос.

У меня дома есть растение. Стебель и листья у него красные. А мы учили в школе, что в каждом растении зеленый хлорофилл. Значит, есть еще и красные частицы?

Карине ГУСЯН

г. Кировакан

— Итак, мы расстаемся с вами до следующего месяца. Прошу помнить о том, что следующее заседание, последнее, как повелось у нас, это встреча самих Почемучек.

До встречи, друзья мои.

ЖИВОЙ ВОРОТНИК

Яркое утреннее солнце заглянуло в комнату. В клетке у окна защебетали певчие птицы. Вера Филина направилась к ним, чтобы задать корм. Открыв дверь, она осторожно переступила порог. По комнате мелькнула тень, и желтый, цвета сосновой коры, зверь бросился ей на грудь. Девочка пошатнулась.

— Ой! — крикнула увидевшая эту сцену соседка и прибежала на помощь, размахивая палкой.

— Не надо! — сказала ей Вера, поглаживая лежавшую на плече крупную «кошку».

В городской квартире необычный жилец появился два года назад. Его подарили Вере охотники, у которых изнуренного зверька не взяли в зоосад.

— Он хотя и хищник, но поскольку мал, слаб и хил, то заслуживает сожаления, — сказали они школьнице, — поухаживай за ним.

— Спасибо, — сказала девочка и побежала с подарком домой.

Вера уделяла воспитанию зверька очень много времени. Лазала с ним по деревьям и заборам, пробиралась через кустарники, обследовала все подвалы. Прохожие останавливались и подолгу смотрели на проказы красивой «кошки». Они и не подозревали, что видят рысь.

Рысенок оказался послушным и находчивым. Он быстро привык к своей хозяйке и узнавал ее издали по звуку шагов, по голосу и запаху. Однако малыш никогда не позволял посторонним брать себя на руки, жестоко царапался и кусался. Многие любопытные поплатились за свою доверчивость.

Эта неприязнь к чужим людям с возрастом все усиливалась. Однажды Вера гуляла со своим питомцем в парке, где было много отдыхающих. Они обступили девочку и начали рассматривать, гладить и дразнить рысенка. Это ему не понравилось. Сначала он, как мог, отбивался, а потом метнулся прочь и, подпрыгнув на два-три метра, вмиг очутился на вершине высокого клена.

Заняв безопасную позицию, Рыска удобно разлегся на ветке и стал греться на солнце, наблюдая за гуляющими с высоты. Сколько ни звала его Вера, он не хотел спускаться. Чтобы уговорить своего любимца сойти на землю, девочке пришлось лазать по деревьям. Пока в парке ходили люди, Рыска не подчинялся ее приказу, перепрыгивал с ветки на ветку, прятался в кронах деревьев. Вечером, когда все любопытные разошлись, шалун прыгнул прямо в руки своей воспитательницы. Обрадованная девочка утащила его домой и с тех пор не показывалась с ним в парке в дневные часы.

Одному рысенку, разумеется, жить скучно. Своими шалостями он докучал всем жильцам квартиры. Вера выпросила в зоосаде совсем малюсенькую куничку, которую назвала за особую юркость Волчком. Молодая куница быстро освоилась и привыкла к девочке.

Рыска и Волчок стали играть целыми днями одни, никому не надоедая. Они оказались неутомимыми шалунами, постоянно лазали, легко взбирались на отвесные стены, свободно поднимались до потолка по водопроводной или отопительной трубе, за которую, кажется, и уцепиться-то когтями невозможно. Но самым любимым местом их игр неожиданно стала эмалированная белая раковина умывальника. Когда в ней было сухо, зверьки забирались туда и играли целыми часами.

Почему их привлекла блестящая обтекаемая раковина? Возможно, своей формой она напоминала какое-то гнездо.

В играх белогрудый Волчок был значительно проворнее Рыски. Он нападал на нее первым, ловко выскальзывал из ее цепких лап, как молния пробегал под брюхом рысенка. Тот пытался ловить куницу, но, получив шлепок по носу, долго морщился. Потом, рассердившись, начинал гоняться за куницей, пока та не забиралась в какое-либо недоступное место.

В свободное время Вера возилась со своими любимцами, тренировала их, заставляя выполнять различные упражнения. После трудной работы Рыска ложилась на плечи девочки и ласково обнимала ее мягкими лапками, в которых были далеко убраны острые коготки.

— Это моя живая меховая горжетка, воротник, — шутливо говорила девочка и ласково гладила красивого зверька. Волчок любил ласку и не позволял рыси одной нежиться на руках Веры.

П. ДОИЛЬНИЦЫН

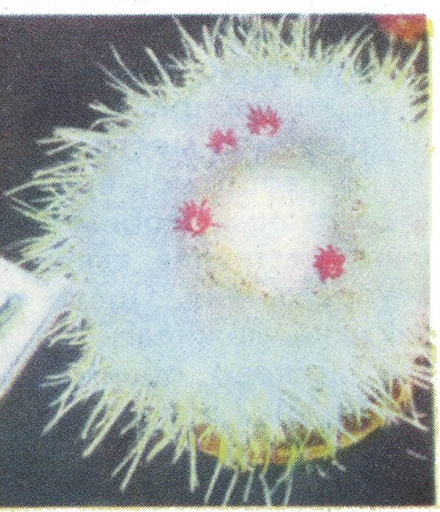

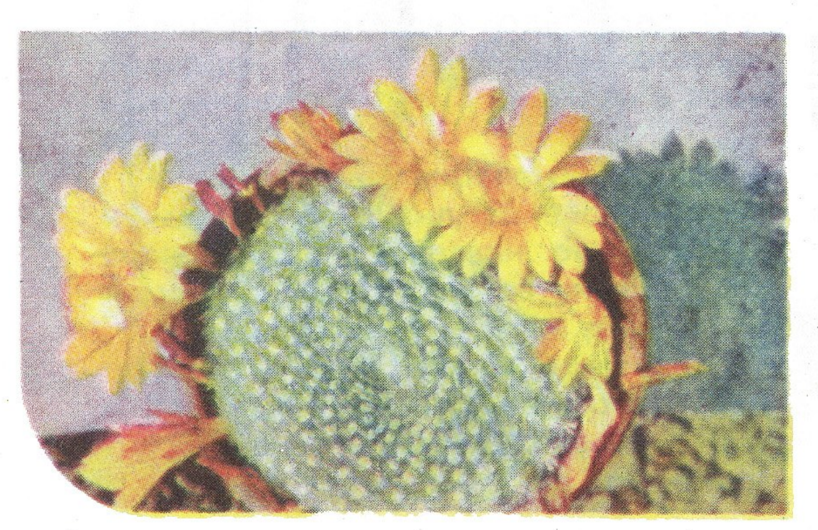
Рис. И. Кошкарева

ЦВЕТОЧНЫЙ КОВЕР

Посмотрите, какое пестрое многообразие красок дарят любителю-кактусисту карликовые кактусы Ребуции! Здесь и желтые, оранжевые, розовые, золотистые, фиолетовые, карминно-красные! В природе насчитывается более 20 видов Ребуций, а каждый вид имеет еще несколько разновидностей, отличающихся окраской цветков.

Ребуции — шаровидные, слегка приплюснутые кактусы с вдавленной макушкой. Их неглубокие спиральные ребра разделены на бугорки. Колючки у Ребуций небольшие, неприметные, только у двух-трех видов они длинные и густые.

Ребуции — очень неприхотливые кактусы, они легко и быстро растут, дают множество боковых отростков — «деток» и скоро зацветают. Уже ранней весной — в марте — на конце бугорка появляются розовые точки. Это бутоны. В это время Ребуцию не надо много поливать, иначе бутоны переродятся в простые боковые отростки. И конечно же, нельзя тревожить растения — пересаживать и переставлять с места на место: от этого бутоны опадают.

Примерно за десять дней бутон сильно увеличится, и в одно прекрасное утро распустится чудесный, блестящий и сверкающий цветок. Он держится на растении всего 2—3 дня, причем каждый вечер закрывается, а наутро раскрывается снова. Но так как цветков у Ребуции появляется очень много, раскрываются они поочередно или по нескольку сразу, это цветение продолжается в общей сложности очень долго.

Цветки легко опылить перекрестно. После опыления, которое можно сделать кисточкой, завязываются плоды — красные ягоды, похожие на маленькие луковички. Уже к осени они созревают — засыхают, темнеют, семена высыпаются прямо на землю и легко прорастают.

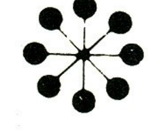
Но лучше не давать семенам высыпаться, а снять созревшую ягоду, размочить ее, достать семена и посеять их отдельно в мелко просеянную смесь земли и песка.

Но чтобы заставить Ребуцию цвести, нужно знать маленькую хитрость. Ребуции растут в Южной Америке — в высокогорных районах Аргентины и Боливии, где летом очень много солнца, а зимой очень холодно. Поэтому и в своей комнате постарайтесь создать Ребуциям условия, напоминающие их далекую родину. Летом их надо поставить на самое солнечное место, а зимой дать им отдых при температуре около +5 градусов, поливая только один раз в полтора-два месяца.

Весной полезно подкормить кактусы суперфосфатом (один грамм на литр воды), а летом — хорошо поливать.

Если вы выполните все эти желания Ребуций, они наградят вас своими чудесными цветками.

На фотографии среди пестрого ковра Ребуций вы видите Маммилярию (крайняя справа во втором ряду).

ПРИУЧЕНИЕ СОБАКИ К ПЕРЕПОЛЗАНИЮ

Когда собака приучена ложиться по команде, выберите ровную сухую открытую площадку и в хорошую погоду начинайте занятие. Лягте на землю и уложите с левой стороны от себя собаку, держа ее на коротком поводке так, чтобы ее голова была на уровне вашего плеча. Свободный конец поводка соберите петлями и переложите его в правую руку, повернитесь на правый бок, левую руку положите на холку собаки. Подайте команду «Ползи!» и начинайте движение вперед, опираясь на локоть правой руки, ею же делайте коротенькие рывочки поводком вперед. Если собака попытается встать, помешайте этому нажимом левой руки на холку и, повторяя команду «Ползи!», продолжайте движение вперед. Через один-два метра огладьте собаку, дайте ей лакомство, немного отдохните и продолжайте занятие. Когда собака усвоит новое движение, поводок можно опустить на землю, чтобы он волочился свободно, а затем и вовсе его снять. Постепенно усложняя упражнение, увеличивайте расстояние, заставляйте собаку ползти одну.

ПРЕКРАЩЕНИЕ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Выберите для начальных занятий район, где имеются домашние животные, птицы, посторонние люди или привлекающие внимание собаки предметы, остатки пищи, кости и т. д. При попытке собаки наброситься на человека, животное, поднять кость и т. п. подайте с угрожающей интонацией команду «Фу!» и резко дерните поводком. В обучении этому приему очень важно хорошо знать поведение своей собаки. Вы должны уловить тот момент, когда собака «нацелилась» совершить нежелательное действие.

Именно в этот момент следует подать запрещающую команду и дернуть за поводок.

Первые упражнения начинайте на коротком поводке, постепенно переходите на длинный, и только когда собака выполняет команду безукоризненно, поводок можно снять совсем.

Собак, мало чувствительных к рывку мягкого ошейника, следует обучать этому приему на парфорсе (строгий ошейник, имеющий острые шипы), иногда пользоваться и ударом хлыста.

ПРИУЧЕНИЕ ВОЗВРАЩЕНИЮ НА МЕСТО

Держа собаку на длинном поводке, уложите ее, перед ней кладите скрученный поводок, намордник или другую хорошо знакомую ей вещь и, приказав собаке лежать, отходите на несколько шагов. После небольшой выдержки подзовите собаку, поощряйте за подход, снова сделайте небольшую выдержку, подайте команду «Место!», одновременно правой рукой указывая направление, и легкими рывками поводка отводите ее на прежнее место (к лежащей вещи), где опять уложите, поощрите лакомством и огладьте с восклицанием «Хорошо!». После нескольких повторений собака запомнит, что от нее требуется, и будет возвращаться на прежнее место без дополнительных команд и самостоятельно принимать там первоначальное положение. Постепенно расстояние подзыва и возвращения доведите до 25 метров. Для лучшего исполнения приема изредка подходите к вернувшейся на место собаке и поощряйте ее там.

ПОДАЧА ПРЕДМЕТОВ

Посадите собаку рядом с собой, правой рукой поднесите к ее морде деревянную палочку и, подавая собаке команду «Аппорт!», вложите палочку ей в рот. Поддержите правой рукой ее нижнюю челюсть, чтобы она не выбрасывала палочку. Если она держит ее во рту, поощрите собаку оглаживанием, повторяя команду «Аппорт!», «Хорошо!». После небольшой паузы, скомандовав «Дай!», возьмите изо рта палочку. Повторяйте упражнение до тех пор, пока собака по команде «Аппорт!» не будет охотно брать из ваших рук подаваемый предмет. В дальнейшем приучайте собаку брать палочку с земли, доставать из воды, носить рядом с вами. Заменяйте палочку разнообразными предметами. Никогда не заставляйте и не разрешайте собаке носить камни и металлические предметы — они портят зубы. Не забывайте поощрять собаку за принесение «аппорта».

Д. ВОЛКАЦ

На снимке: белый пудель.

Записки натуралиста

ХОРОВОД ПОД БЕРЕЗАМИ

Лес оголился. Только кое-где багряными бабочками трепещут листочки на осинах да по глухим ярам зеленеют еще кусты шиповника. Не раз уже серебрили травы морозы-утренники, дули холодные ветры, хлестали косые дожди. А сегодня вот опять словно повеяло весною. Тихо, тепло, солнечно. Не хватает лишь песен жаворонка в синем небе.

И все-таки, как бы ни был чист, светел и прозрачен осенний день, в лесу покоится глубокое, будто сон, затишье. Изредка цокнет в елях белка, постучит-постучит и умолкнет работяга дятел. Но чу! Что такое? Откуда-то из глубины березовых чащ вдруг раздается журчание, бульканье, захлебистый клекот. Кажется, там заворковали сизари-голуби, переливно бурлясь, побежали ручьи. А на самом деле-то нежданно-негаданно забормотали тетерева.

Где же они токуют? Да вон за оврагом под шатрами старых берез. Я знал, что иссиня-черные косачи вместе с кофейно-пестрыми курочками прилетают сюда перед вечером, чтобы побродить по мягкой траве, посидеть на гибких березовых ветвях. Так было вчера, позавчера и неделю тому назад. Но что же случилось сегодня? Почему птицы стабунились чуть ли не сотенной стаей и лесные петухи вдруг начали ток?

Незаметно перехожу от одного дерева к другому. И наконец, за чередой молодых елочек передо мной открывается тетеревиное игрище. Что здесь происходило, можно было видеть, слышать, но невозможно передать. Поляна буквально кипела черными, словно охмелевшими, косачами. Нет! Они не дрались. Не дубасили друг друга клювами, как это бывает на весенних токах, а, бормоча и чуфыркая, кружились в буйном хороводе.

Прошло несколько минут, и внезапно игрище затихло. Вытянув шеи, тетерева осторожно осматриваются. Затем, как бы раскланиваясь один другому, кивают головами. Семеня мохнатыми лапами, перебегают с места на место и

опять замирают в настороженном оцепенении. Минута молчания. И вот окаменевший среди лужайки косач, всхлопнув крыльями, круто подпрыгивает.

«Чу-фыш-ш!» — шипит он сердито.

Потом распускает лироподобный, с точеными завитушками хвост и начинает какой-то древний магический танец. Зоб его раздувается. Набухшие брови наливаются рябиновым огнем, а из горла потоком разливается дремотное бормотание.

«Ур-ру-кур-ру-ур-рур-лык!»

Но вот солнце скатилось за вершины леса. Заметно похолодало. Птичий хоровод кончается. А вскоре, подняв оглушительный шум, тетеревиная стая, словно по команде, взлетает на березы.

«Ко-ко-ко-ко!» — о чем-то озабоченно переговариваются косачи, покачиваясь на голых ветках.

В густых сумерках чуть ли не ощупью по извилистой тропке возвращаюсь в лесную сторожку.

— Ну, что нового в лесу? — спрашивает лесник, растапливая печь-лежанку.

И когда я рассказал ему о встрече с тетеревами, он в раздумье потеребил в пальцах свои жесткие, уже поседевшие усы, потом вздохнул озадаченно.

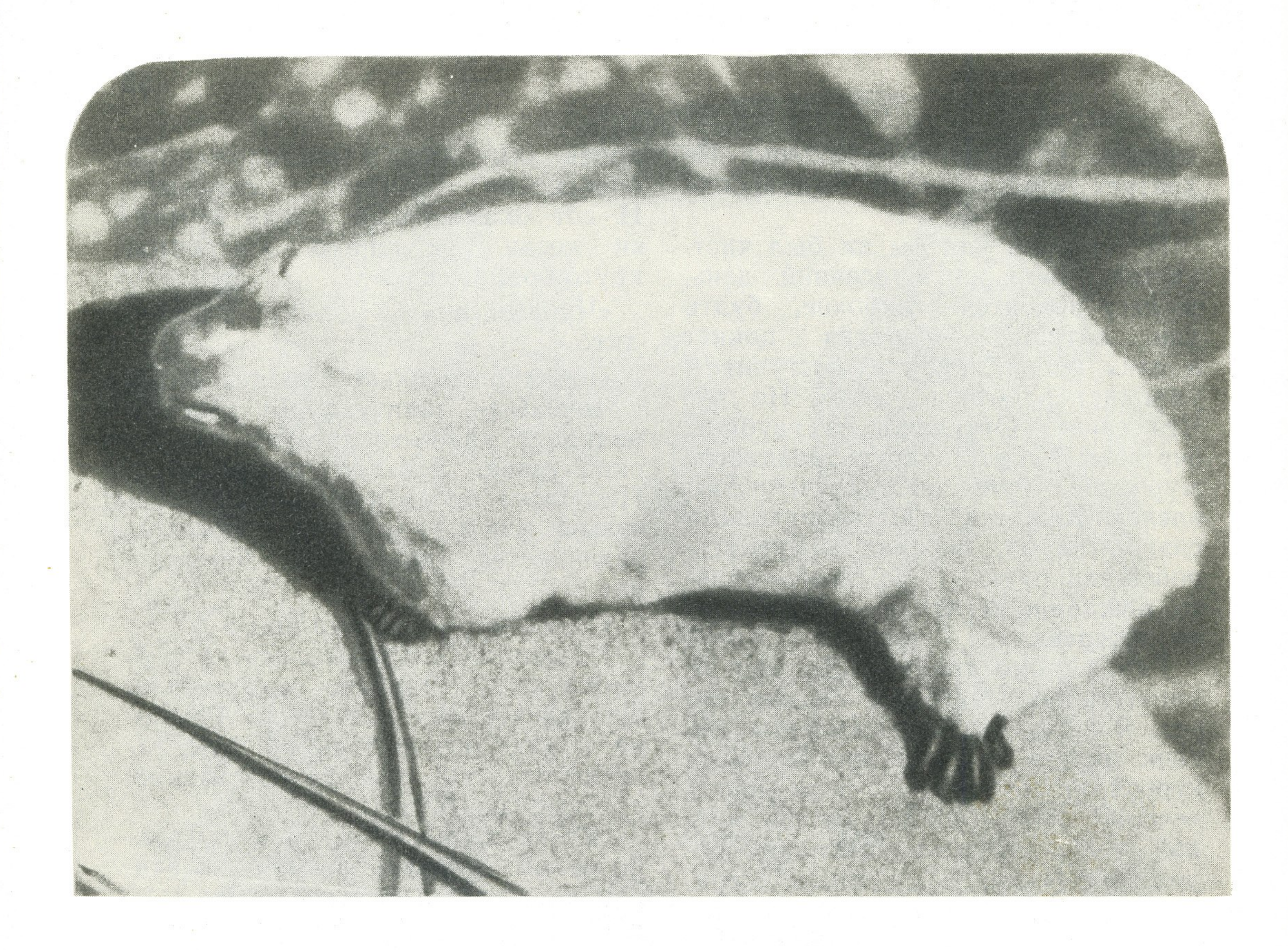
— Так, так! Значит, говоришь, после тока тетерева сильно квохтали, а ночевать в ельник улетели. Тогда все ясно.

— Что ясно?

— А то, братец мой, что готовь шубу с валенками, сегодня ночью зима ляжет.

Да! Лесник оказался прав. Тетерева не ошиблись. Примерно к полуночи крепко подморозило, а на рассвете совсем по-зимнему забушевали метели.

П. СТЕФАРОВ

СОРКВАСМАТА

Сумчатый крот, или, на языке аборигенов, сорквасмата, произвел немалый переполох, когда его впервые поймали в 1888 году в Австралии.

В самом деле, вначале сумку у него не нашли и готовы были признать этого крота родичем африканского златокрота, на которого внешне он очень похож. Но потом сумку заметили — открывается она назад.

Внешне это самый настоящий крот: и телосложение такое же, и все четыре лапы — роющие лопаты. Глаза не ищите — снаружи их не видно, они спрятаны внутри, но почти полностью атрофировались: не только ничего не видят, но даже света от тьмы не отличают. И наружного уха нет. Лишь едва приметная дырочка под шерстью. Шелковистая нежная шерсть не темная, как у нашего крота, а кремово-белая или золотисто-желто-красная. Она переливается, словно драгоценный камень.

Сумчатый крот нор-туннелей не роет. Живет он в почве песчаной, быстро осыпающейся, копается неглубоко — сантиметрах в семи от поверхности. Естественно, сыпучий песок сразу же наполняет вырытую норку. Чтобы подышать, этот несчастливый крот должен, пройдя несколько метров под землей, выбираться на поверхность. Проползет немного, червем извиваясь, и снова острую мордочку, прикрытую на носу ороговевшим щитком, сует в песок, лапами рыть помогает — и в миг исчезает. Самки же сумчатых кротов роют довольно глубокие норы в подходящей для этого почве и там, в их глубине, рождают и выкармливают двух крохотных детенышей.

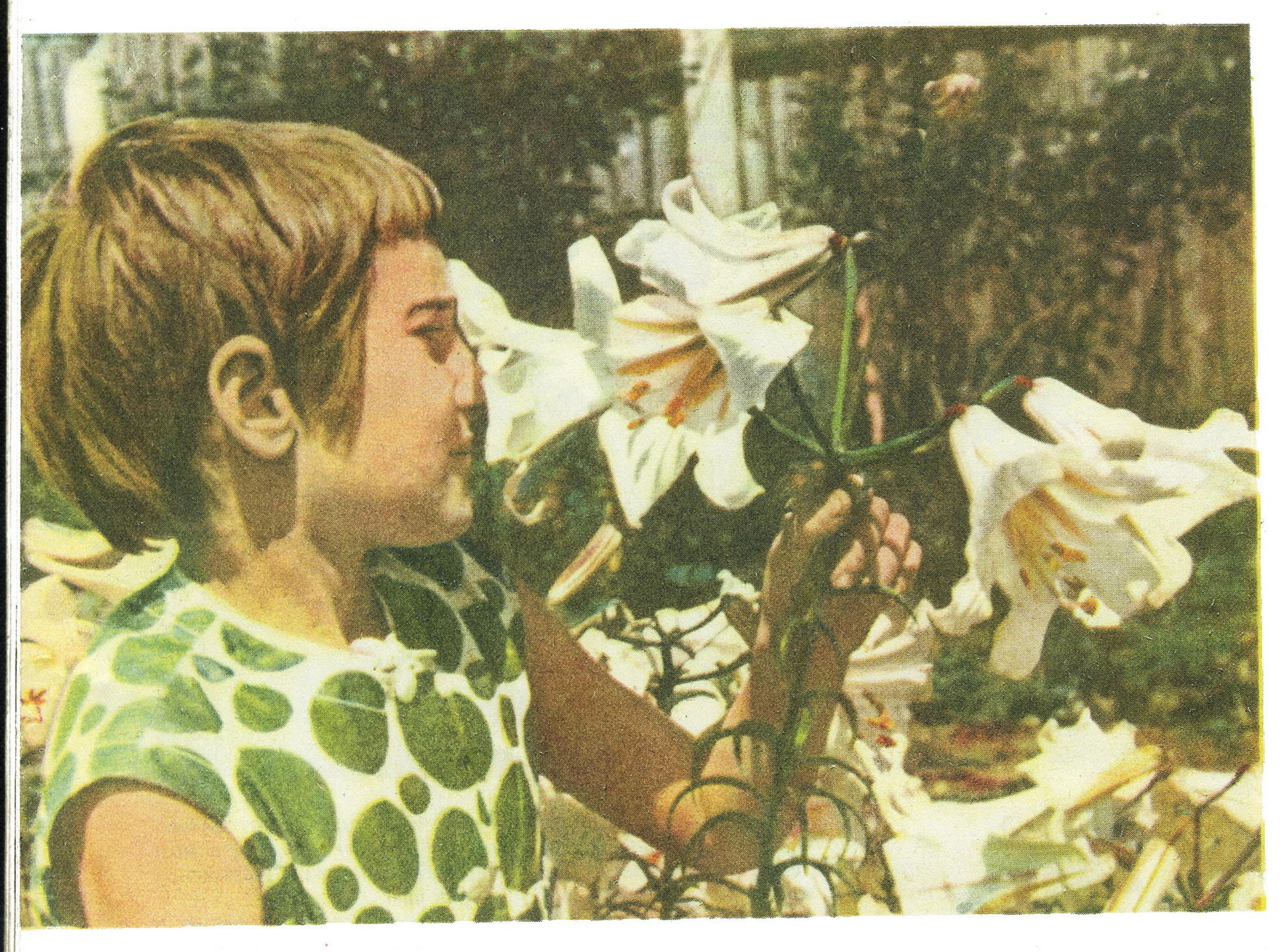

Дружба и ссора. И в мире животных часто встречаются они. Особенно среди малышей. Неразлучен этот котенок с птенцом сорокой, водой их не разольешь. Когда Барсик спит, сороченок охраняет его покой. Вот это забота о друге!

Но все-таки чаще, наверное, встречаются ссоры. Серьезные и по пустякам. Как у этой собачки с поросенком. Не поделили лакомый кусочек — вот и дошло дело до драки.

Не правда ли, интересные фотографии прислали нам Г. Горбачевский и И. Харитонов!

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!

Лучше всего пахнут цветы, выращенные своими руками. На этом снимке вы видите Валю Хорину с Гомельской областной станции юннатов возле лилии Регале. ● А на третьей странице обложки вы видите енота. Фото Р. Воронова.

НАШИ ОБЛОЖКИ:

Нет ничего величественнее и грандиозней водопада. Кажется, никакая сила не сможет остановить его безудержный стремительный поток. Но стоит ударить крепким северным морозам, и не узнать этого богатырского каскада. Замер, затих, словно кто-то набросил на него белоснежную, слепящую глаза ажурную скатерть.

Главный редактор А. А. Виноградов

Редколлегия: Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А., Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Шманкевич А. П., Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **Р. Г. Грачева**

Сдано в набор 4/IX Подп. к печ. 1/IX 1969 г. А01206. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 500 000 экз. Заказ 1762. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

20 коп.
Индекс 71121